

ISSN 2687-1289

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ

ФГБОУ ВО
«ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНЖЕНЕРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ»

РЕГИОНАЛЬНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ОБЩЕРОССИЙСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ СОДЕЙСТВИЯ ПОВЫШЕНИЮ УРОВНЯ И КАЧЕСТВА
ИСТОРИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ «ОБЪЕДИНЕНИЕ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ
ИСТОРИИ В ВУЗАХ РОССИИ» ПО ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГУМАНИТАРНЫХ И ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

Серия
«Духовная жизнь общества и человека:
история и современность»

ВЫПУСК 3 (45)

Воронеж
Издательско-полиграфический центр
«Научная книга»
2023

УДК 30
ББК 60
С56

Серия основана в 2014 году
Сборник статей зарегистрирован в базе данных РИНЦ
(лицензионный договор № 819-12.2014 от 23.12.2014 г.)

Рецензенты:

д-р ист. наук, проф. *В. С. Порохня* (Московский авиационный институт (НИИ));
кафедра общеобразовательных дисциплин Центрального филиала
ФГБОУ ВО «РГУП»

Редакционная коллегия:

проректор по научной и инновационной деятельности ВГУИТ, проф. *О. С. Корнеева*,
зав. кафедрой философии и истории ВГУИТ, проф. *Г. А. Быковская*,
доцент каф. философии и истории ВГУИТ *И. В. Черниговских* (отв. редакторы),
доцент каф. философии и истории ВГУИТ *А. Н. Злобин* (отв. секретарь),
доцент каф. иностранных языков ВГУИТ *Е. Н. Мирошниченко* (отв. секретарь).

Современные проблемы гуманитарных и общественных наук
С56 [Текст] / ФГБОУ ВО «ВГУИТ». – Вып. 3 (45). – Воронеж: Изда-
тельско-полиграфический центр «Научная книга», 2023. – 100 с. –
(Серия «Духовная жизнь общества и человека: история и совре-
менность»).

В сборнике представлены работы преподавателей российских и зарубежных вузов, а также исследователей в области гуманитарных и общественных наук. Тематика научных статей охватывает широкий спектр проблем философии, культурологии, истории, религиоведения, социологии, связанных с анализом генезиса, развития и современного состояния духовной жизни общества и человека, его ценностных ориентаций и идеалов.

Сборник адресован ученым-обществоведам, преподавателям, аспирантам, студентам и всем, кто интересуется проблемами духовной жизни общества и человека.

УДК 30
ББК 60

4404000000
С _____ **Без объявл.**
ОК2 (03)-2023

© Коллектив авторов, 2023
© ФГБОУ ВО «Воронеж.
гос. ун-т. инженер. технол.», 2023
© Издательско-полиграфический
центр «Научная книга», 2023

ISSN 2687-1289

Оригинал-макет данного издания является собственностью Воронежского государственного университета инженерных технологий, его репродуцирование (воспроизведение) любым способом без согласия университета запрещается.

Содержание

Анисимова О. Е., Анисимов В. П., Ключникова И. Д., Попов К. С., Степанов М. Д., Налетов А. С. Взаимодействие государства и Русской православной церкви по укреплению семьи.....	5
Бабаева А. В. Неоаксиология: теоретический миф или реальность?	13
Баранов Д. А. К проблеме становления ликийской христианской общины	18
Быковская Г. А. Воспитание студенческой молодежи в контексте изучения локальной истории России	23
Власова Ю. В., Моторин Д. И. Интеллигенция и власть: взаимодействие в современном контуре реальности ...	27
Двуреченская Т. А. Ментальное противостояние в философском осмыслении исторического и цивилизационного развития	33
Иванова С. И. Терроризм как социокультурный феномен: проблема понимания.....	39
Попова М. А. Аксиологическая концепция философии истории: некоторые аспекты.....	44
Православский С. С., Арсентьева А. А. Персоналистическая эсхатология Н. А. Бердяева	50
Пушкин И. А. Подготовка кадров для пищевой и химической промышленности	57
Сулимов С. И. Понимание исторической гибели в концепции Дж. Вико	69
Сысоев Г. Д., Колягина В. А. Феномен любви в работе В. С. Соловьева «Смысл любви»	73
Черниговских И. В. Структурный анализ общества: информационно-символическая подсистема	78

Черных В. Д. Идеи исихазма и их проявления в русской религиозной мысли	83
Шатилов С. Ф., Морозов К. А. Идеология обмана: парадоксы гендерного мейнстриминга	88
Шмырева О. И. Эмоции и точность прогноза	94

Уважаемые коллеги!

Предлагаем Вам опубликовать свои статьи в сборнике «Современные проблемы гуманитарных и общественных наук».

Серия 1. «Сохранение отечественного культурного наследия».

Серия 2. «Социально-политическое развитие российского общества».

Серия 3. «Духовная жизнь общества и человека: история и современность».

Серия 4. «Патриотическое воспитание студентов в техническом ВУЗе».

Сборник индексируется в РИНЦ.

Адрес редакционной коллегии

394000, г. Воронеж, пр. Революции, д.19, кафедра философии и истории
Материалы в электронном виде направлять по адресу:
kaf15_vrn@mail.ru

По всем вопросам обращаться к редакционной коллегии:

Быковская Галина Алексеевна, д.и.н., проф. – тел. моб. 8-920-414-95-44

Злобин Андрей Николаевич, к.и.н., доцент – тел. моб. 8-920-403-63-66

Черниговских Игорь Васильевич, к.ф.н., доцент – тел. моб. 8-906-581-73-88

УДК 32+34

Ольга Евгеньевна Анисимова,

канд. истор. наук, доцент

Военный учебно-научный центр военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина»,

Воронеж, Россия

ms.helga11@mail.ru

Владимир Петрович Анисимов,

старший преподаватель

Военный учебно-научный центр военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина»,

Воронеж, Россия

Ирина Дмитриевна Ключникова,

младший научный сотрудник

Военный учебно-научный центр военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина»,

Воронеж, Россия

Константин Сергеевич Попов,

курсант

Военный учебно-научный центр военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина»,

Воронеж, Россия

Михаил Дмитриевич Степанов,

курсант

Военный учебно-научный центр военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина»,

Воронеж, Россия

Александр Сергеевич Налетов,

курсант

Военный учебно-научный центр военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина»,

Воронеж, Россия

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГОСУДАРСТВА И РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ ПО УКРЕПЛЕНИЮ СЕМЬИ

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению различных аспектов взаимодействия российского государства и Русской Православной Церкви в

деле укрепления российской семьи, совместной деятельности в одном из главных направлений государственной политики России.

Ключевые слова: *российское государство, российское общество, национальная идея, Русская Православная Церковь, семья, духовность, нравственность, поддержка семьи.*

**Olga Evgenyevna Anisimova,
Candidate of History Science, Associate Professor**

Air Force Academy named after professor N. E. Zhukovsky and Y. A. Gagarin,
Voronezh, Russia
ms.helga11@mail.ru

**Vladimir Petrovich Anisimov,
seniorlecturer**

Air Force Academy named after professor N. E. Zhukovsky and Y. A. Gagarin,
Voronezh, Russia

**Irina Dmitrievna Klyuchnikova,
junior researcher**

Air Force Academy named after professor N. E. Zhukovsky and Y. A. Gagarin,
Voronezh, Russia

**Konstantin Sergeevich Popov,
Cadet**

Air Force Academy named after professor N. E. Zhukovsky and Y. A. Gagarin,
Voronezh, Russia

**Mikhail Dmitrievich Stepanov,
Cadet**

Air Force Academy named after professor N. E. Zhukovsky and Y. A. Gagarin,
Voronezh, Russia

**Alexander Sergeevich Naletov,
Cadet**

Air Force Academy named after professor N. E. Zhukovsky and Y. A. Gagarin,
Voronezh, Russia

**INTERACTION BETWEEN THE STATE AND
THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH
ON STRENGTHENING THE FAMILY**

Summary. *The article is devoted to the consideration of various aspects of the interaction between the Russian state and the Russian Orthodox Church in strengthening the Russian family, joint activities in one of the main directions of Russian state policy.*

Keywords: *Russian state, Russian society, national idea, Russian Orthodox Church, family, spirituality, morality, family support.*

Мы хорошо понимаем: чтобы добиться новых рубежей нам важно сберечь свою идентичность, наше единство и солидарность. А они строятся на тех ценностях, которые во все времена почитались и православием, и другими традиционными религиями России. Это милосердие, честность и справедливость, это забота о ближнем и семье, уважение к родителям и детям, и, конечно, любовь к Родине.

В. Путин

Начало 1990-х гг. стало для нашего государства временем перемен и переоценки жизненных ориентиров. Распался СССР, рухнула плановая экономика, обесценились прежние моральные и нравственные ориентиры, а новые не были сформированы.

Перед руководством страны остро вставали вопросы, требовавшие решений: отсутствие целостной государственной политики, внутренние военные конфликты, социальная нестабильность, демографический спад, расслоение общества на богатых и нищих. Людям, чтобы окончательно не потерять себя, свою сущность, нужны были жизненные ориентиры. Многие вспоминали и обретали запрещенную в недавнем прошлом веру в Бога. Вместе с тем, возродились не только традиционная для России православная вера, но и различные оккультные, псевдорелигиозные течения (секты), которые подавляли и подчиняли своих приверженцев.

Православие старалось сохранить семью (ячейку государства) и характерные, традиционные для неё ценности – уважение между супругами, детьми и родителями, заботу друг о друге, ценность человеческой жизни – не убий – осуждение аборт, которые резко возросли в 1990-е гг.

В Конституции РФ ст. 14 [1, с. 8.] определены взаимоотношения государства и церкви: во-первых, РФ – светское государство (никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной); во-вторых, религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом.

Отношения государства с конфессиями в России также регламентируются Федеральным законом от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе и совести и о религиозных объединениях» [2]:

каждому, находящемуся на территории РФ, гарантируется свобода совести и вероисповедания.

На современном этапе в России религиозные объединения не могут вмешиваться в дела государства и участвовать в выборах органов государственной власти и управления. Провозглашён также светский характер системы государственного образования.

Позиция Церкви по вопросу взаимоотношений с государством определена в принятых 15 августа 2000 г. Архиерейским Собором РПЦ «Основах социальной концепции РПЦ» в III разделе «Церковь и государство» (п. 3): «В современном мире государство обычно является светским и не связывает себя какими-либо религиозными обязательствами. Его сотрудничество с Церковью ограничено рядом областей и основано на взаимном невмешательстве в дела друг друга» [3].

31 января 2019 г. президент В. Путин, выступая на торжественном мероприятии, посвященном 10-летию Поместного собора Русской Православной церкви и интронизации Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, отметил, что «государство продолжит активно развивать созидательное партнерство с церковью во всех значимых областях». Глава государства обозначил, что перед Россией сегодня стоят масштабные цели и исторические задачи в демографии, социальном развитии, повышении качества жизни людей, в работе по достижению прорыва в науке, технологиях и экономике [4].

По Конституции РФ Россия – светское государство, ни одна из религий не является государственной. Вместе с тем, православие является традиционной государствообразующей религией для России и объединяет наибольшее количество верующих.

Для многих россиян православная религия выступает, как национальная традиция и вера предков. РПЦ сохраняет духовные традиции нашего народа, настаивает на незыблемости традиционных нравственных норм и непринятии человеческой греховности. На верующих (воцерковленных людей), они влияют напрямую, на остальных – косвенно.

Действительно, когда многие европейские светские государства взяли курс на толерантность (парады сексуальных меньшинств, признание однополых союзов семьёй, передача детей на

воспитание в такие семьи, сексуальное просвещение с детского сада и т. п.), подменяют природные естественные ценности искусственными, тем самым подрывают основы семейного института. Запад распространяет и навязывает ложные ценности всему миру, России в том числе. России навязывают курс толерантности по отношению к людям с нетрадиционной сексуальной ориентацией. РПЦ заняла незыблемую и последовательную позицию по данному вопросу.

Нормальное, естественное состояние взаимоотношений государства и церкви в России предполагает их сотрудничество, партнерство в решении насущных общественных задач, а не изоляцию друг от друга. Государство и Православная церковь плодотворно взаимодействуют в социальной и культурной сферах. Это достаточно объёмная работа, которая включает в себя следующие направления: охрана прав ребёнка; забота о лицах, находящихся в местах заключения и социальных учреждений; противодействие вовлечению людей в преступность, коррупцию, работу торговлю, проституцию, наркоманию, игроманию; попечение людей попавших в медицинские учреждения, находящихся на длительном лечении; помощь детям-сиротам, одиноким и престарелым людям, людям с инвалидностью; забота о сохранении семьи.

Не последнюю роль в жизни русской семьи играла традиционно Церковь. Вступая в брак, молодые венчались, крестили рожденных детей, дети по достижению школьного возраста поступали в церковно-приходские школы. Вера и Церковь были неотделимы от семьи.

Церковь заботится об укреплении уклада семейной жизни, основанного на богоустановленных ценностях. Пятая Заповедь Божия гласит: «Почитай отца твоего и мать твою, чтобы продлились дни твои на земле, которую Господь, Бог твой, дает тебе» (Исх. 10, 16). Апостол Павел призывает: «Дети, будьте послушны родителям (вашим) во всем, ибо это благо-угодно Господу. Отцы, не раздражайте детей ваших, дабы они не унывали» (Кол. 3, 20-21). Православие свидетельствует об ответственности родителей перед Богом за воспитание детей, о необходимости заботы об их здоровье, благополучии, безопасности и, вместе с тем, осуждает пренебрежение родительскими обязанностями, грубость и жесто-

кость по отношению к детям. Церковь, утверждая, что духовно здоровая семья – важнейшая основа благополучия общества, открыта к сотрудничеству с государством и различными общественными силами в вопросах защиты семьи и детства.

Острыми проблемами современного общества стали жестокое обращение родителей со своими детьми, тяжелое положение несовершеннолетних в детских домах и местах лишения свободы, стремительный рост количества сексуальных преступлений против детей, распространение детской порнографии. Церковь поддерживает усилия государства, направленные на защиту детей от преступных посягательств, и признает, что в случае угрозы жизни, здоровью и нравственному состоянию ребенка государство имеет право на вмешательство в семейную жизнь, если родители сами не могут или не стремятся защитить детей, и лишь в том случае, когда все возможности для сотрудничества с родителями исчерпаны. При этом действия государственных органов должны быть основаны на четких и однозначных правовых критериях, а посягательство на жизнь, здоровье и нравственное состояние детей – доказанным. Происходящие процессы в обществе и государственная политика нашли свое отражение в процессе формирования семьи, в так называемом появлении «квазисемей», проникновением в семью и разрушением ее структуры государством.

Очевидно, что лучший способ предупредить возникновение упомянутых проблем и разрешить большинство из них – это поддержка здоровой семьи, помощь проблемным семьям, поддержание крепких связей детей и родителей. В православной пастырской традиции накоплен огромный потенциал помощи неблагополучным семьям, позволяющий одновременно защитить ребенка и способствовать сохранению семьи. Этот потенциал должен быть эффективно задействован в современном обществе [5].

Неоценима поддержка и помощь Церкви семьям с больными детьми. Так, 21 сентября (праздник Рождества Пресвятой Богородицы) 2003 г. возродился день «Белого цветка». В этот день проходит сбор средств для детей, страдающих онкологическими заболеваниями. Проводится эта благотворительная акция и в Воронеже по благословлению митрополита Воронежского и Борисоглебского Сергия.

В то же время отмечается необходимость сохранения семьи, как целостного, незаменимого института (2008 г. был провозглашен в России годом семьи). 26 марта 2008 г. в Совете Федерации на заседании комитета по социальной политике была единогласно одобрена инициатива об учреждении нового праздника – «Дня семьи, любви и верности». Идея данного праздника возникла у жителей г. Муром (Владимирская обл.), где мощи святых благоверных князя Петра и княгини Февронии, покровителей христианского брака обрели покой. Образам святых Петра и Февронии присущи ценности, которые всегда связывали с идеалами супружества: благочестие, верность, взаимная любовь, а также милосердие и попечение о своих согражданах. Праздник «Семьи, любви и верности» отмечается 8 июля (25 июня по старому стилю) в день Петра и Февронии (чей супружеский союз считается образцом христианского брака).

В наши дни верующие и неверующие люди обеспокоены неустойчивостью брака и тем последствия, которые приносит распавшийся брак. Люди оглядываются назад и пытаются в прошлом своей семьи, своей страны разглядеть идеал семьи, брака, супружеских отношений, воспитания детей. Но от дореволюционного брака нас отделяет более 100 лет. Он был далеко не идеален. Революция октября 1917 г. изменила жизненный уклад в России полностью. Изменилась и семья. Семья в Советской России представляла собой институт, с одной стороны, унаследовавший прежний авторитарно-патриархальный стиль внутрисемейных отношений, а с другой – стремительно модернизирующийся институт под воздействием политического курса нового государства.

Семейная политика Советского государства строилась на основе идеологии равенства (классового и полового) и отрицания буржуазных форм брака и семьи. Светская политика в отношении семьи была сосредоточена на вопросах регуляции брачно-семейных отношений работающих женщин и на вопросах охраны и материальной поддержки материнства и детства.

На данном этапе в РФ Правительство обеспокоено демографической ситуацией в стране (снижение численности народонаселения, увеличение людей пенсионного возраста и т. п.). Ко-

нечно, делаются попытки помочь семье приобрести жильё, стимулируют рождение первого, второго и последующих детей в семье, супруги награждаются медалью «За любовь и верность», но это не решает комплекса проблем, существующих в семье.

Как верующие, так и светские люди, обеспокоены формированием положительного образа семейной жизни среди подрастающего поколения [6, с. 25]. Однако, если государство оставляет за гражданами право на аборт, развод и сожительство, то Церковь противостоит по данным вопросам государству. РПЦ с осуждением говорит о том, что аборт – это грех (детоубийство), сожительство (гражданский брак) – блуд. Церковь настаивает на пожизненной верности супругов и нерасторжимости православного брака, основываясь на словах Иисуса Христа: «Что Бог сочел, того человек да не разлучает» (Мф.19; 6, 9).

Семья заинтересована в сильном государстве, но государство заинтересовано в крепкой традиционной семье. Каким будет большое государство, во многом зависит от малого государства – семьи. Если государственная семейная политика, направлена на укрепление института семьи, поддержку многодетным семьям, стимулирование рождения, культивирование воспитания в традиционной форме для русской семьи (семейные традиции, уважение старших, забота друг о друге, патриотизм), то внутри семьи будет транслироваться данная государственная ценностная ориентация и соответственно, семейные ценности будут передаваться из поколения в поколение в масштабах всего общества. Современная ситуация сохранения и оказания помощи семье такова, что государство и Церковь выступая в качестве равноправных партнёров, должны координировать свои действия, дополнять друг друга в социальной и духовно-нравственной сферах.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (с гимном России). Новая редакция. – М.: Проспект, 2022. – 64 с.
2. Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» (с изменениями и дополнениями): [сайт] // Электронный ресурс – URL: <http://base.garant.ru/171640/> (дата обращения 22.02.2023).

3 Основы социальной концепции Русской Православной Церкви: [сайт]. – URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html> (дата обращения 02.03.2023).

4 Выступление В. Путина на мероприятии, посвященном 10-летию Поместного собора Русской Православной церкви и интронизации Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/6064313> (дата обращения 02.03.2023).

5 РЦП обнародовала концепцию программы соцподдержки малоимущих семей: [сайт]. – URL: <http://gia.ru/20120709/695570581.html> (дата обращения 20.03.2023).

6 Шугаев Илия (прот.). Один раз на всю жизнь: Беседы со старшеклассниками о браке, семье, детях. – М.: Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2011. – 176 с.

УДК 124.5

Анна Владимировна Бабаева,

д-р филос. наук, профессор

Воронежский государственный университет инженерных технологий,

Воронеж, Россия

annabab1@yandex.ru

НЕОАКСИОЛОГИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

***Аннотация.** В статье рассматриваются проблемы трансформации ценностно-нормативных систем, произошедшие в цифровой реальности. Выявляются основные черты неоаксиологических концепций современности. Предлагается использовать «бриту Оккама» при оценке новых терминов.*

Ключевые слова: *аксиология, неоаксиология, цифровая цивилизация, социум, человек.*

Anna Vladimirovna Babaeva,

Doctor of Philosophy, Professor

Voronezh State University of Engineering Technology, Voronezh, Russia

annabab1@yandex.ru

NEOAXIOLOGY: THEORETICAL MYTH OR REALITY?

Summary. *The article deals with the problems of transformation of value-normative systems that have occurred in digital reality. The main features of the neo-axiological concepts of modernity are revealed. It is proposed to use «Occam's razor» when evaluating new terms.*

Key words: *axiology, neoaxiology, digital civilization, society, man.*

Мы много и уже достаточно долго говорим и пишем о динамике современного мира. Но не всегда понимает всю глубину понятия «динамично изменяющаяся реальность», насколько глубоко уходят изменения. Уже в далеком прошлом оказались споры постмодернистов, концепции неолибералистов, постпозитивистов и т. д. Казалось не так давно мы стали говорить о «цифровом обществе», «цифровой цивилизации», а уже сегодня не возможно представить мир вне цифры. Человек действительно оказался в мире тотальных трансформаций, которые захватили все сферы жизнедеятельности и оказали влияние на самого человека.

Фиксируя данные тенденции, исследователи не всегда осознают глобальность произошедших изменений. В мире одновременно оказались несколько поколений, живущих в различных Вселенных. Старшее поколение, те, кому за 50, – живет в системе традиционных ценностно-нормативных систем, и не всегда понимает, что можно жить в Иной реальности. В той реальности, где на первый план выходят иные формы оценки. «В мире высоких скоростей человеку, не движущемуся с высокой скоростью, нет места. Тот, кто не движется быстро, кто находится «не в тренде», не попадает вовремя «в струю», считается недотепой и неудачником, оказавшимся на обочине жизни, не способным принести пользу ни себе, ни своим близким, ни обществу. Быстрее – значит лучше! – этот постулат выглядит истиной либо уже доказанной, либо не требующей доказательств. Принцип естественного отбора, провозглашенный радикальными приверженцами социального дарвинизма, – «выживание сильнейшего» («survival of the fittest»), – сегодня превратился в принцип «выживание скорейшего» («survival of the fastest») ...» [2]. Компьютерный язык, виртуальная реальность генерирует новые формы не только в коммуникациях, но в сознании человека. «На смену устойчивым социальным структурам приходят гибкие, относительно краткосрочные сетевые альянсы и коалиции... Реальная современность

многомерна и многомирна» [1, с. 57–58].

Философы, социологи, экономисты все еще где-то между. В мире, где старое разрушили «до основания», а новое все еще «за горизонтом». И признание, что «новое» уже давно стало «старым» и привычным, все еще не приходит. Мир четких ориентиров в системе «норма-патология» сменился зыбким миром «выбора без выбора». Классические этические, эстетические понятия и представления перестали помогать человеку в решении насущных вопросов. А в научной публицистике все еще обсуждаются проблемы сохранения аксиологических оснований культур, социумов. И редко кто ставит вопрос: а есть ли еще то, что нужно и можно сохранить? Или необходимо создание новых понятий и представлений, расширение смысловых полей у старых?

Скачкообразный переход в новое качество человеческой цивилизации привело к тому, что многие названия и понятия фантастических книг и фильмов стали активно использоваться в современности. Так, например, произошло с термином «метавселенная», который появился в 1992 г. в научно-фантастическом романе «Лавина» Нила Стивсона. Автор рисовал будущее как переплетение виртуального и реального мира, что приводило к взаимовлияниям. В 2021 г. Марк Цукерберг объявил начало создания «трехмерного Интернета», в котором человек не будет выступать потребителем информации, а окажется внутри нее. На первый взгляд амбициозная фантастика. Но точно так же в свое время оценивали развитие Интернета, цифровизации и т. д.

А если посмотреть на нашу современность с позиции признания, что Метавселенная уже стала частью нашей жизни. В нашу жизнь уже вошли digital-пространство, аватары, голограммы, блокчейны и т. д. Необходимо не просто декларация, а принятие того, что мы действительно оказались в Метавселенной, в которой виртуальное сливается с реальным физическим пространством (улица, парк, здание, комната) таким образом создавая интерактивную среду [3]. В Метавселенной каждый человек может в равной степени взаимодействовать с виртуальными и физическими (реально существующими) объектами. Для обозначения данного состояния, которое все еще воспринимается некой фантастикой, все чаще используют понятие «расширенная реальность».

В такой ситуации возникают серьезные проблемы в традиционной аксиологии. Исследователи аксиологии уже в далеком 2010 г., начали говорить о методологическом хаосе, который сформировался вокруг самого понятия «ценность» и трактовки ценностных отношений в современном мире [4]. И это не случайно, т. к. центральное понятие аксиологии – «ценность» включила в себя как основные положительные качества личности, феномены интерсубъективного, явления субъективного психического мира и т. п. В результате сложилась ситуация, когда в рамках аксиологии настроенно относятся к объективным объяснениям внешнего и внутреннего мира, замещая объективность позициями, мнениями, конвенциями относительно полученного знания. И все бы было хорошо, если бы человеку не было нужно иметь в этом «расплывчатом» мире быстрых изменений, хоть какие-то ориентиры, позволяющие строить оценочные суждения.

Стремление снять теоретические противоречия и предложить основу для ценностного суждения можно увидеть в попытке использовать термин «неоаксиология». Авторы считают, что такая замена позволит решить накопившиеся вопросы. Они представляют «неоаксиологию» в виде «аксиологического поля, как синтез ценностно-оценочных связей, полюса которых обусловлены наполнением двух основополагающих структур – объектной структуры, которая выступает в качестве носителя ценности, с одной стороны, и человеком – носителем оценки, с другой стороны» [5, с. 153]. С помощью данного понятия пытаются найти гармонию между «размытыми» представлениями о субъекте и объекте в современной культуре, «заштопать» те разрывы, которыми так пестрит наша реальность. Неоаксиология рассматривается как синтез, который позволит исследователю выявить ценностно-оценочные отношения человека к миру, зафиксировать их динамику. Авторы уверены, что «неоаксиологический подход как полнокровный взгляд на мир, может выступать в качестве новейшей методологии, может конструктивно использоваться в освоении феноменов культуры, спецификации отдельных её сфер» [5, с. 154]. Можно ли с ними согласиться? На первый взгляд новое понятие воспринимается более емким. Но все время вспоминается «брита Оккама»: «Не следует умножать сущности сверх необхо-

димости». Может быть лучше не стремиться создавать все новые и новые понятия, а продолжить работу в рамках классических? За время существования аксиологии (чуть больше ста лет) не все методы познания были использованы, и не все теоретические проблемы решены. Может быть для формирования понимания того, что произошло и продолжает происходить в мире «цифры» лучше использовать традиционные аксиологические понятия, границы которых можно расширить. Ведь какое бы понятие мы не использовали – аксиология или неоксиология – речь идет о ценностной системе и способности человека к ценностным суждениям. И задача научить эти суждения формировать и корректно высказывать, что будет необходимо и в метавселенной.

Список литературы

1. Василькова В. В. Коммуникативные измерения «текущей современности»: манипуляция, конвенция, смыслопорождение // Ценностные миры современного человечества: дни философии в Петербурге-2011. – СПб.: Изд. дом Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2012. – С. 57–66.
2. Гофман А. Люди без памяти [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://iq.hse.ru/news/212439743.html>
3. Иммерсивность // Herzena – электронные словари русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://herzena.ru/index.php/words/show/6656>
4. Новая философская энциклопедия: в 4 т. – М.: Мысль, 2010. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://iphlib.ru/greystone3/library/collection/newphilenc/document/HA SH0147b7e8f087b539ec51af4>
5. Салеев В. А. Неоксиология – новая методологическая стратегия в теории культуры и эстетики // Материалы Всероссийской конференции «XV Кагановские чтения. Теория культуры и эстетика: новые междисциплинарные подходы» (Санкт-Петербург, 18-19 мая 2021). – СПб.: Российское эстетическое общество, 2022. – С. 152–155.

УДК 94(32).07

Дмитрий Александрович Баранов,

канд. истор. наук, доцент

Воронежский государственный университет инженерных технологий,

Воронеж, Россия

baranovdmitry2@gmail.com

К ПРОБЛЕМЕ СТАНОВЛЕНИЯ ЛИКИЙСКОЙ ХРИСТИАНСКОЙ ОБЩИНЫ

***Аннотация.** Статья посвящена обзору некоторых вех проникновения христианского вероучения в ликийский субрегион (юго-западная часть провинции Анталия). Особое внимание уделяется деятельности первых христианских проповедников в регионе и становлению общины Николая (Чудотворца) Мирликийского.*

***Ключевые слова:** археология, Ликия, Малая Азия, римская история, христианство, эпиграфика.*

Dmitry Aleksandrovich Baranov,

Candidate of History, Associate Professor

Voronezh State University of Engineering Technologies, Voronezh, Russia

baranovdmitry2@gmail.com

TO THE PROBLEM OF THE FORMATION OF THE LYCAN CHRISTIAN COMMUNITY

***Summary.** The article is devoted to an overview of some milestones of the penetration of the Christian doctrine into the Lycian sub-region (the southwestern part of the Antalya province). Particular attention is paid to the activities of the first Christian preachers in the government and the formation of the community of Nicholas (Wonderworker) of Myra.*

***Keywords:** archeology, Lycia, Asia Minor, Roman history, Christianity, epigraphy.*

Проблема реконструкции возникновения раннехристианских общин в Малой Азии представляется одной из наиболее острых в современном антиковедении. Характерной особенностью региона являлось сосуществование христианского и разнообразных языческих вероучений. Наследие эпохи эллинизма еще очень долго сказывалось на характере зарождения и эволюции

локальных сообществ ранних христиан. Это обстоятельство порождает комплекс разнообразных методологических проблем. От их решения зависит уточнение характера, направленности и уровня синкретизма культовых практик на юго-западе анатолийского региона в первые века [2, с. 1].

Несмотря на скудность нарративной традиции, подменяемой данными археологических раскопок, представляется возможным наметить некоторые контуры процесса христианизации юго-западных регионов Малой Азии. Наибольший интерес для нас представляет Ликия, ставшая местом проповеди Николая Чудотворца Мирликийского.

Наиболее ранний этап проникновения христианского вероучения в Анатолию мог начаться с момента прихода в Памфилию последователей общины Апостола Павла. Нам известно, что Варнава и Иоанн Марк между 46 и 48 годами отправились проповедовать на острова эгейского бассейна и Памфилию. Вполне вероятно и то, что их влияние могло затронуть и сопредельную Ликию. Из Деяний мы узнаем, что Павел и сам неоднократно посещал западную часть Малой Азии. Доподлинно известно о его пребывании в Галатии, ликийской Патаре (во время его третьего миссионерского путешествия: Деян., 16: 1–6; 19:1; 21:1) и Мирах Ликийских (Деян., 27:5). Апокрифическое «Евангелие от Варнавы» сохранило свидетельство о трех чудесах Павла во время его пребывания в Мирах. Это обстоятельство не может не обратить на себя внимания хотя бы с той точки зрения, что общины ликийской Фаселиды и Мир Ликийских включали в себя значительное число неопитов из числа иудейского населения региона [4, с. 38].

Визиты членов «Павловых общин» в Ликию засвидетельствованы и материалами местной агиографической традиции. Особый интерес представляют жития первых ликийских мучеников (Никандера и Гермея), казненных римской администрацией за прозелитизм. Никандер был первым епископом ликийской христианской общины. Имеющаяся письменная традиция утверждает, что оба мученика были рукоположены Титом, являвшимся одним из ключевых последователей проповеди Павла в регионе. Это обстоятельство намекает нам на прямую взаимосвязь сюжетов и их особую значимость для характеристики времени первых

проповедей [4, с. 2]. Свидетельства о расправах с двумя подвижниками выглядят вполне правдоподобно, учитывая специфику политики магистратов римской провинциальной администраций в отношении ранних христианских общин рассматриваемого периода времени. Активные проповеди Никандера и Гермeya могли вызвать неприятие в среде римских язычников. Попытка распространить проповедь в языческой среде могла восприниматься в качестве прямого посягательства на величие императоров, нарушение отеческих законов и отчётливый признак хулы на римские порядки. Подобного рода нечестие воспринималось как преступление в случае активных проповедей в среде римских граждан или публичного отказа от принесения даров языческим богам в присутствии римских магистратов. Существенные карательные акции предпринимались даже в отношении членов семьи императора Домициана, осудившего своих родственников за нарушение норм традиционного римского религиозного благочестия [1, с. 34].

Обращение к римским письменным источникам позволяет подтвердить значительную степень опасности, которой подвергались ранние христианские проповедники в Малой Азии. Историк и губернатор Вифинии Плиний Младший писал императору Траяну о новом «суеверии», распространяемом на вверенной ему территории. Исходя из сообщений историка, складывается картина социально-экономического недовольства среди малоимущих слоев населения. Именно эти социальные слои сельской и городской бедноты становились основными объектами проповеднической деятельности адептов раннего христианства.

Фрагментарная агиографическая традиция сохранила имена и иных мучеников за «новую веру» в Ликии. Среди них наиболее рельефно выделяются фигуры Фемистокла Мирского, Парегория и Льва Патарских. Все они подвергались гонениям императоров Деция и Валериана в середине II и второй половине III века. Важнее то обстоятельство, что мы вполне конкретно можем очертить географическую зону формирования раннехристианской общины в Ликии. Становится очевидным факт развития устойчивого сообщества христиан вокруг Патары и Мир Ликийских. С этого времени проповедническая деятельность начинает прочно ассоциироваться с мученичеством за веру, что рассматри-

вается авторами региональных агиографических произведений в качестве важнейших компонентов повествования.

Медиоланский эдикт (303 г.) явился особо важным событием, оказавшим существенное влияние на развитие раннехристианских общин. Согласно его содержанию, тексты священного писания уничтожались, наиболее влиятельные церковные иерархи удалялись от государственной и церковной службы, имущество церкви конфисковалось в пользу государства, а сами церкви закрывались [2, с. 2].

На этот труднейший период времени приходится следующий этап формирования христианской общины Ликии. Он неразрывно связан с именем Николая Чудотворца (Мирликийского). Традиция приписывает ему целый ряд ключевых деяний, существенным образом укрепивших положение христиан в регионе и ускорение распространения вероучения в языческой среде.

Многие факты жизни Николая Мирликийского, черпаемые из агиографической традиции, подтверждаются данными нарративов и археологии. С его именем связывают ликвидацию крупнейшего языческого храма Артемиды Элевтеры, спасение местного населения от непомерных имперских налоговых выплат, личное участие в военно-политических событиях вокруг местных военачальников, ставших затем имперскими консулами). Весьма спорным остаётся вопрос об участии Николая Мирликийского в знаковом Никейском Вселенском Соборе. Некоторые источники сообщают, что Николай состоял в числе наиболее активных противников учения Ария, дав ему пощёчину на одном из заседаний собора. Агиографические памятники не позволяют разрешить этот вопрос окончательно.

Богатые археологические находки последних лет демонстрируют нам картину расцвета деятельности ликийской общины, пришедшегося на середину IV века. Не так давно была найдена церковь Святителя Николая, перестроенная в VI веке, (чудом уцелела маленькая часовенка IV века). Особый интерес для историков представляют реконструированные турецкими археологами торговые ряды и Плакома в порту Андриаке, где проповедовал Чудотворец [2, с. 4].

Подлинно известно, что на Первый (Никейский) Вселенский собор Ликия отправила всего лишь одного делегата (Евдема Патарского). Именно это обстоятельство заставляет поверить в то, что кроме Евдема на соборе мог присутствовать хотя бы один представитель ключевой христианской общины города Миры. Иначе может показаться странным, что соседние с Ликией провинции отправили значительно большее число делегатов (пятеро из соседней Карики, семеро из Фригии, одиннадцать из Писидии и семь из Памфилии). Интересно, что на проходившем практически параллельно «арианском» соборе в Селевкии (организованном Констанцием II) участвовало целых три ликийских делегата. Это очевидное неравное разделение может насторожить, поскольку намекает на возможность существенного распространения еретических течений в Ликии. В связи с последним обстоятельством Никейский собор не принял всех высокопоставленных церковных иерархов региона, наказав тем самым местный клир за недостаточное рвение в борьбе с ересиархами [1, с. 37].

На основании сказанного мы склоняемся к целесообразности выделения четырех этапов становления ликийской христианской общины. Следует выделять этап ранней проповеди представителей павликанских общин, этап преодоления последствий Медиоланского эдикта, этап становления местной общины (деятельность Николая Мирликийского) и этап борьбы с ересями [3, р. 122].

Список литературы

1. Barnes T. D. Legislation against Christians // *The Journal of Roman Studies*. – 1968. – Vol. 58. – P. 32–50.
2. Bennett T. J. Christianity in Lycia: From its beginnings to the «Triumph of Orthodoxy» // *Adalya*. – 2015. – Vol. 18. – P. 1–30.
3. Bennett T. J. Why did Claudius annex Lycia // *Adalya*. – 2011. – Vol. 14. – P. 119–136.
4. Foss C. The Lycian coast in Byzantine Age // *Dumbarton Oaks Papers*. – 1994. – Vol. 48. – P. 1–52.

Галина Алексеевна Быковская,

д-р истор. наук, профессор

Воронежский государственный университет инженерных технологий,

Воронеж, Россия

istoria_vrn@mail.ru

ВОСПИТАНИЕ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ В КОНТЕКСТЕ ИЗУЧЕНИЯ ЛОКАЛЬНОЙ ИСТОРИИ РОССИИ

Аннотация. *В статье анализируются возможности отечественной истории (в частности, краеведческого материала) в качестве просветительского контента, используемого с целью формирования гражданской ответственности и патриотизма молодого поколения.*

Ключевые слова: *русский флот, Воронеж, краеведение, патриотизм, воспитание молодежи на положительных примерах.*

Galina Alekseevna Bykovskaia,

Doctor of History Science, Professor

Voronezh State University of Engineering Technologies, Voronezh, Russia

istoria_vrn@mail.ru

EDUCATION OF YOUTH STUDENTS IN THE CONTEXT OF STUDYING THE LOCAL HISTORY OF RUSSIA

Summary. *The article analyzes the possibilities of national history (in particular, local history material) as an educational content used to form citizenship, responsibility and patriotism of the younger generation.*

Keywords: *Russian fleet, Voronezh, local history, patriotism, education of youth on positive examples.*

Воронеж насчитывает более 400 лет своей истории. Все крупные события российского исторического контента проявили себя в истории Воронежского края. Учитывая возможности богатого краеведческого контента, в современных условиях работа с обучающимися приобретает много особенностей. Одной из основных задач в организации работы студентов технических вузов

с гуманитарным материалом является повышение интереса к истории своей страны, уважения к ее государственным приоритетам. Для этих целей в рамках курса истории логично использовать интерактивные методы [2]. Быстрее всего познавательную активность студента стимулирует использование краеведческого материала. В воронежской истории есть, на каких примерах учиться [3].

В XVII веке Романовы, выстраивая оборону государства, именно здесь формировали «посольские делегации». Так, в 1645 г. царь Михаил Федорович уведомил воронежского воеводу А. В. Бутурлина о прибытии в Воронеж русских послов «с казною и з грамотой» Степана Телепнева и дьяка Олфераея Кузовлева. С ними были «посланы для наших дел» два переводчика, три подьячих, четыре толмача, два собольника, десять кречетников, сокольников и ястребников. Живых зверей и птиц русские послы везли в Царьград турецкому султану. Вместе с послами и их свитой на Дон отпущены казаки: атаман Василий Петров, есаул Петр Сафонов, «с товарищи двенадцать человек». С ними «послано к донским атаманом и казаком нашего жалования». Казаки везли так называемый «донской отпуск»: жалование русского царя за их службу по охране южных границ от крымских татар и турок. При получении грамоты Бутурлин был обязан «проводжати ту посылку и послов наших с Воронежа доном до казачьих до нижних юртов и до Азова». Для охраны и сопровождения свиты выделяли 150 служивых людей из гарнизона Воронежа [4].

На воронежских землях в те времена «и государство обороняли, и торговали». Поэтому среди жителей города преобладали служивые люди. Среди служивых людей в тогдашнем Воронеже были не только казаки, но и стрельцы. Их насчитывалось 172 человека. В своем распоряжении они имели мало земли и обязывались нести службу в пешем строю в самом городе. Денежного жалования им не полагалось, а надел в восемь десятин не мог прокормить семьи. Поэтому стрельцы занимались ремеслами и торговлей. К служивым людям относились и пушкарки, которые обслуживали крупнокалиберную артиллерию. В 1638 г. в гарнизоне города насчитывалось 10 пушек, каждый пушкарь обслужи-

вал лишь одно орудие. Мелкокалиберную артиллерию (затинные пищали) обслуживали затинщики [4].

Мало кто знает сегодня, что в конце XVII в. Воронеж был главным речным портом страны. Здесь строили речные суда (струи), на которых сплавлялись к Азову. Это был единственный путь, соединявший Москву и южную окраину страны. Именно из воронежской крепости не только отправлялись русские посольства в Турцию, но здесь же обменивались пленными, заключались договоренности с казаками, чтобы остановить набеги на южные границы Руси. Здесь в Воронеже к 1695 г. построили самый большой за всю историю речной флот: 522 струга, 42 мореходные лодки, 134 плота [1]. Петр I знал об опыте воронежских мастеров и важном географическом положении города, поэтому и выбрал его как базу для кораблестроения, собираясь в поход на Азов. Сюда, в крепость стали стягивать силы и средства для строительства морского флота. Для того, чтобы наблюдать, как идут работы, и участвовать в них в Воронеж приехал и сам царь. Все 65 дней, что Петр провел в Воронеже, он трудился, не покладая рук. К маю 1696 г. на воронежских верфях были построены первые два парусника-галеаса, четыре брандера и собраны двадцать четыре галеры (привезенные в город в разобранном виде из Москвы). На некоторое время, таким образом, Воронеж стал столицей России. Во дворе дома Игната Моторина, где жил Петр, был развернут «государев шатер» (походная канцелярия царя еще со времен Ивана Грозного). Где он находился, там в данный момент и была столица государства.

Возведением судов на верфях в нашем крае во второй половине XVIII в. руководил адмирал Алексей Наумович Сенявин. Род Сенявиных дал России 15 морских офицеров, в том числе пять адмиралов. Корабли, отстроенные при Сенявине, были задействованы в войне с Турцией за выход к Черному морю, в результате которой в состав Российской империи вошли первые земли в Крыму. Идея возродить петровские верфи принадлежала императрице Екатерине II. Работа развернулась на Икорецкой, Новохоперской и Павловских верфях. Сенявину, назначенному командующим Донской (с 1774 г. – Азовской) флотилией, нужно было быстро восстановить бывшие петровские верфи. К тому же,

стояла задача создать суда нового типа: большие корабли могли сесть на мель в устье Дона, малые были неэффективны в сражениях. В итоге предлагается вариант, учитывающий все перечисленные проблемы. Построенные по этому спецпроекту суда стали называть «новоизобретенными». Среди изобретателей был целый коллектив бывалых моряков, включая Алексея Сенявина. На воду спустили 93 боевые единицы. Суда были плоскодонными, и имели осадку не более 2, 7 метра. На борту они несли от 12 до 16 пушек среднего калибра [6]. С помощью этих кораблей были взяты Керчь, Еникале, затем Кафа (Феодосия) и Судак. Как следствие – Россия закрепила в Крыму и Северном Причерноморье. В 1783 г. Османская империя подписала акт о вхождении Крымского полуострова Тамани и Кубани в состав России. Этот факт признали и европейские страны.

История родного края дает молодому поколению базу для духовного становления, для уважения к памяти предков, для мотивации его профессиональной деятельности. И наибольший интерес у студенчества вызывают в данном контексте такие разделы исторического образования [5], как история Отечества в лицах, история науки и техники, история бизнеса и военная история.

Список литературы

1. Андреева М., Саубанова Г. По следам первого императора // Еженедельная газета. – 2016. – № 10. – 17 марта. – С. 12-13.
2. Быковская Г.А. Интерактивные методы в преподавании истории // Материали за 9-а международна научна практична конференция, «Бъдещите изследвания-2013». Том 10. – София: БялГРАД-БГ ООД, 2013. – С. 36-38.
3. Быковская Г.А., Карташова Е.Ю. Интерактивные методы в преподавании гуманитарных дисциплин // Формирование гуманитарной среды в высшей технической школе: опыт проектирования и реализации. – М.: ИЦ РГУ нефти и газа И.М. Губкина, 2013. – С. 29-31.
4. Елисеев В. Страницы старины седой // Коммуна. – 2011. – 16 июня.
5. Иванова С.И. Идеиные истоки патриотического воспитания в России // Современные проблемы гуманитарных и общественных наук. Вып. 4(36). – Воронеж: ИПЦ «Научная книга», 2021. – С.62-69.
6. Черных Е. Морская династия // Галерея Чижова. – 2016. – № 8. – 2-8 марта. – С. 24.

УДК 75.044

Юлия Валерьевна Власова,

канд. истор. наук, доцент

ВУНЦ ВВС «ВВА им. проф. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина»,

Воронеж, Россия

allaborisova@yandex.ru

Денис Иванович Моторин,

канд. психол. наук, ассистент

Санкт-Петербургский государственный университет,

Санкт-Петербург, Россия

motorindn@mail.ru

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ВЛАСТЬ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В СОВРЕМЕННОМ КОНТУРЕ РЕАЛЬНОСТИ

Аннотация. В статье анализируется взаимодействие интеллигенции с властью, в контексте манипулирования со стороны последней. Рассматривается понятие «интеллигенция» в его историческом аспекте, в частности в конце XIX века и в современном обществе. Автор приходит к выводу о наличии у современной интеллигенции фрагментарного мышления, при котором происходит размывание собственных представлений о своей духовно-образующей роли в обществе. Изученные виды манипуляционного воздействия на интеллигенцию со стороны власти позволили выделить механизмы данной манипуляции и наметить пути ее преодоления.

Ключевые слова: интеллигенция в современном мире, взаимодействие интеллигенции и власти, современные элиты.

Yulia Valeryevna Vlasova,

Candidate of History Science, Associate Professor

MESC AF «N.E. Zhukovsky and Y.A. Gagarin Air Force Academy»,

Voronezh, Russia

allaborisova@yandex.ru

Denis Ivanovich Motorin,

Candidate of Psychological Science, Assistant

Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia

motorindn@mail.ru

INTELLIGENTSIA AND POWER: INTERACTION IN THE MODERN CONTOUR OF REALITY

Summary. *The article analyzes the interaction of the intelligentsia with the authorities, in the context of manipulation of the latter. The concept of "intelligentsia" is considered in its historical aspect, in the context of ideas about this concept at the end of the XIX century and in the modern one. The authors come to the conclusion that the modern intelligentsia has fragmentary thinking, in which their own ideas about their spiritual-forming role in society are blurred. The analyzed types of manipulative influence on the intelligentsia by the authorities made it possible to identify the mechanisms of this manipulation and outline ways to overcome it.*

Keywords: *intelligentsia in the modern world. interaction of intelligentsia and government, modern elites.*

Понятие «интеллигенция» и проблемы, связанные с реализацией ее духовного потенциала в обществе, по-прежнему актуальны и занимают важное место в современных исследованиях по социальной философии. Актуальны и способы взаимодействия интеллигенции с властью. Выделившись в новый общественный слой, интеллигенция определяет и свою основную сферу деятельности, духовную. Но на современном витке истории мы можем заметить и основное отличие интеллигенции конца XIX в. от интеллигенции начала XXI в. Интеллигенция XIX в. – это, прежде всего попытка найти социальную справедливость, опираясь на свои нравственные ориентиры, на духовное переосмысление себя и своего места в мире. Не только умственный труд, но и отсутствие частной собственности на средства производства позволило выделить соответствующую прослойку общества. Неслучайно здесь и высказывание многих ученых о том, что революцию 1917 г. в России совершила интеллигенция, которая в начале XX в. не хотела довольствоваться ролью стороннего наблюдателя, стремясь принимать самое непосредственное участие в общественной жизни страны. В противовес интеллигенции конца XIX – начала XX в., современная – это, прежде всего стремление найти общий язык с властью и хождение во власть, в контексте нахождения способов взаимодействия с последней.

Современные исследователи часто рассматривают термин

«интеллигенция» как феномен социокультурной жизни, прежде всего XIX в. в контексте ее оппозиции к власти, предлагая использовать термин интеллектуалы при описании современных реалий общества. Мы не совсем согласны с данной дихотомией, так как считаем, что это разные понятия. Тем не менее, проблемы, связанные с взаимодействием интеллигенции с властью можно обозначить следующим образом: «перестройка, демократические преобразования и либерализация общественной жизни, привели к существенной фрагментации интеллигенции как в экономическом плане, так и в идеологическом» [1, с. 173].

На современном этапе развития российского общества, не только люди умственного труда, но и органы властных структур стали причислять себя к интеллигенции. В чем же здесь заключается проблема? Проблема заключается в том, что властные структуры актуализируют свое мнение по поводу развития общества не только для себя, но и для всех иных слоев общества, считая свою точку зрения единственно верной, находя и новые способы вовлечения интеллигенции в сферу своей деятельности. Интеллигенты, как и представители фактически любого социального слоя, стоит заметить небезуспешно, испытывают на себе влияние властью. Проанализировав взаимодействие властных структур с интеллигенцией, можно обнаружить множество способов влияния на нее. Механизмы рекрутирования управленческой элиты в обществе с демократической идеологией позволяют обрести политическую популярность через партийную работу, через социально значимые акции, вызывающие благоприятный общественный резонанс. В конечном счете, интеллигент, оказавшийся у власти, становится зачастую частью системы, будучи включен в политическую «матрицу» государственной администрации, начинает игнорировать попускаемые ею несправедливости. Происходит процесс «размывания» интеллигенции.

Как в демократическом обществе, так и в обществе с сильной тенденцией к тоталитарной однопартийной идеологии «искушение властью» для интеллигента зачастую тождественно «искушению бюрократизацией». Будучи вовлечен в процессы учета, отчетности, формирования и реализации законов и подзаконных актов, директив и т. п., бюрократ оказывается пленником (как

правило, добровольным) некоего континуума административной деятельности. Этот континуум имеет в значительной степени иллюзорный, виртуальный характер, поскольку самоочевидно повсеместное несовпадение (если не прямое противоречие) между содержанием бюрократических актов и реальным положением дел.

Употребление термина «манипуляция властью» в рамках данной статьи обусловлено необходимостью как можно рельефнее отразить морально-нравственную значимость факторов, приводящие интеллигенцию к несоответствию своему понятию. Как только интеллигент, ставший целью манипуляции со стороны властных структур, поддается на разнообразные искушения, он уже перестает быть в полной мере интеллигентом. Он меняет свою социальную сущность на какую-либо внешнюю деятельность, которая приносит ему экономические, политические и психологические дивиденды.

Впрочем, только лишь профессионально-экономическим ростом и политической карьерой, можно привлечь далеко не все части весьма разнородного слоя интеллигенции. Так, творческая интеллигенция более восприимчива к манипулированию с помощью внимания и любовью поклонников. «С развитием технологий социальных медиа такое происходит практически мгновенно» [3, с. 132]. Поэтому государственные структуры, прямо или косвенно, как правило, оказывают сильное влияние на особенности творческого роста многих художников, актеров, режиссеров, писателей, поэтов. В случае даже относительного одобрения в тех или иных произведениях искусства государственной идеологии и политического курса, их автор оказывается удостоен различных премий, в той или иной мере инициированных властными структурами. При этом подчеркивается элитарный характер «звездной» жизни. Такой подход в немалой степени лишает людей искусства сущностного, преобразовательного влияния на общественное сознание. Элитарный образ жизни является элементом устоявшейся стратификационной картины, не демонстрирующей выхода за пределы устоявшейся социальной реальности. В связи с этим, интеллигенция, связанная с миром искусства, возвышается над нерешенными проблемами социума и не работает над их разрешением.

Концентрация усилий на профессиональном росте, властно-бюрократической карьере, служении поп-культуре, «чистому искусству» и богемности оборачивается высоким престижем, накоплением существенных властных ресурсов в различных их формах. Так, бюрократ-законотворец и бюрократ-администратор регулируют различные виды формализованного, институционального поведения различных социальных слоев, а деятель искусства оказывает мощнейшее влияние на их духовную активность. Очевидно, что подвергнутая успешному властному манипулятивному воздействию, интеллигенция сама становится прекрасным средством дальнейшей манипуляции общественным сознанием, которая приобретает тотальный характер именно при широком участии интеллектуальной элиты. Мы можем заметить следующие механизмы манипуляции уже самой интеллигенции, которая становится выразителем уже не своих идеи, а идей властной элиты, демонстрируя разные способы сопричастия ее ценностям.

Можно выделить следующие части интеллигенции, которые могут положительно отнестись к манипулированию. Во-первых, это та часть интеллигенции, что еще не прошла по каким-то причинам манипуляционное воздействие и имеет престижный пример своих «собратьев», ставших служителями, апологетами и идеологами власти. Это пример может быть достаточно привлекателен с точки зрения перспектив карьерного роста. Во-вторых, это интеллигенция, которая в настоящее время уже обладает огромным арсеналом приемов незаметного, манипулятивного влияния на широкие массы. Интеллигенция, ставшая союзником власти, делает для различных социальных слоев приемлемыми те принципы и способы жизни, что лежат в основе общественно-политической и духовно-культурной реальности. С одной стороны, научная и научно-педагогическая интеллигенция, ссылаясь на различные достижения научного познания, может убедить массы в рациональности и неизбежности представляемых властью путей жизни. В связи с этим, Х. Ортега-и-Гассет едко и несколько гиперболизируя отмечал: «... сегодня, когда «людям науки» нет числа, «людей просвещенных» меньше, чем, например, в 1750 г. И что хуже всего, эти научные вертела, не могут обеспечить науке внутреннего развития» [2, с. 109].

Педагогическая интеллигенция – это своеобразный «переводчик» на обыденный язык с языка научной элиты, отражающие достижения НТП и других векторов общественного развития. Этот «перевод» осуществляется в ходе выполнения педагогами всех уровней социализационной функции. Научная и педагогическая интеллигенция способна либо укрепить веру масс в научный авторитет, либо подорвать его. При том, что наличие данного слоя в обществе говорит о его развитости, о стремлении общества к самоактуализации и самовыражению именно через работников сферы умственного труда.

Таким образом, подавляемая манипуляции интеллигенция получает преимущественный доступ к образовательным ресурсам и реализует государственный образовательный стандарт. При этом происходит общая манипуляция фактически всех обучающихся в школе, техникумах и вузах. Государство включает в поле своего институционального влияния и систему образования (через гос. стандарты, гос. аттестации, ЕГЭ) и стратегические направления научно-исследовательской деятельности (через НИИ, КБ, приоритеты бюджетного финансирования) и систему воплощения тех или иных открытий и изобретений в жизнь (выдача патентов, экономическое обеспечение открытий). С помощью этих институциональных рычагов власть облекает себя в образы научной рациональности, подменяя собой интеллигенцию, становясь ею.

Тогда как сущностная функция интеллигенции заключается как раз в том, чтобы осознать, что же скрывается под этой манипуляцией на самом деле (раскрыть латентные, отнюдь не альтруистические функции власти). Однако у интеллигенции, ставшей реализованной целью манипулирования, эта функция либо подменяется прямо противоположной, либо профессионально реализовавшийся интеллигент вообще перестает быть способен на тотальное интуитивно-интеллектуальное «схватывание» основных проблем социокультурного бытия и их причин.

Список литературы

1. Великая Н. М. Интеллигенция России в дихотомии «власть – оппозиция в исторической ретроспективе» // Судьбы российской интел-

лигенции: прошлое, настоящее, будущее: сб. статей XX Международ. теоретико-методолог. конференции, РГГУ, 9 апр. 2019 г. – М.: РГГУ, 2019. – С. 172-182.

2. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс / Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды. – М.: Изд-во «Весь мир», 1997. – С. 43-163.

3. Trufanov G. A. Crisis and conflict in Russian contemporary social media // Конфликтология. – 2021. – Т. 16, № 1. – С. 132-158.

УДК 141

Татьяна Алексеевна Двуреченская,

канд. филос. наук, доцент

Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ»,
Москва, Россия
dta2009@bk.ru

МЕНТАЛЬНОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ В ФИЛОСОФСКОМ ОСМЫСЛЕНИИ ИСТОРИЧЕСКОГО И ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

***Аннотация.** Автор обращается к наиболее популярной проблеме в русской философии о путях развития России. Предлагается краткий анализ возможности развития этой проблемы. Русские философы разнообразны в своих предложениях. Ментальное противостояние способствует активному развитию проблематики, вскрываются удивительные возможности сравнения восточного и западного подходов в понимании развития человека и социума. Подобный анализ может способствовать лучшему пониманию современных локальных и мировых процессов с необходимостью сохранения собственного культурно-исторического типа.*

***Ключевые слова:** западники, славянофилы, культурно-исторический тип, космисты, богочеловечество, народничество, славяно-восточная цивилизация.*

**Tatyana Alekseevna Dvurechenskaya,
Candidate of Philosophy, Associate Professor**

Research Nuclear University «МЕРФИ»,
Moscow, Russia
isvetlanai@inbox.ru

MENTAL CONFRONTATION IN THE PHILOSOPHICAL COMPREHENSION OF HISTORICAL AND CIVILIZATIONAL DEVELOPMENT

Summary. *The author addresses the most popular problem in Russian philosophy about the ways of development of Russia. A brief analysis of the possibility of developing this problem is proposed. Russian philosophers are diverse in their proposals. Mental confrontation contributes to the active development of issues, reveals amazing possibilities of comparing Eastern and Western approaches in understanding human development and society. Such an analysis can contribute to a better understanding of modern local and global processes with the need to preserve their own cultural and historical type.*

Keywords: *westerners, slaviynophiles, cultural-historical type, cosmists, bogochlovechestvo, narodnichestvo, slaviyno-eastern civilization.*

Русская философия многообразна по своей специфике и тематике. Весь спектр современной актуализации представлен в философских размышлениях русских мыслителей. По тематике этих проблем, а это и выбор собственного пути развития, многополярность мира, кризис цивилизации, экзистенциальные риски человечества и многие другие, можно говорить о возможности обнаружить проблему для общей дискуссии, существующую вне исторических рамок.

Разнообразие подходов русских философов в оценке путей европейской цивилизации, о месте и роли России в истории, о взаимоотношениях России и Запада, способствовало оформлению двух направлений в отечественной философской традиции: «славянофилы» и «западники».

Представители западного направления (П. В. Анненков, В. Д. Боткин, К. Д. Кавелин, В. Г. Белинский, А. И. Герцен и др.) считали необходимым процесс «европеизации» России, благодаря которому Россия сможет преодолеть вековую экономическую и культурную отсталость в короткий исторический срок и стать полноправным членом европейской и мировой цивилизации. Но, те представители «западничества», которые уже имели опыт жизни на Западе (А. И. Герцен), кардинально изменили свою позицию. Анализ революционных событий 1848 г. приводит А. И. Герцена к разочарованию в западной цивилизации, к бес-

смысленности революции. Эта уверенность порождает в нем другое чувство – веру в Россию, в ее миссию по осуществлению мирового порядка.

Славянофилы же единодушны в своих убеждениях о катастрофических недостатках западной цивилизации как «опустошения» человека - подавление личности, крайний индивидуализм. Философ В. Ф. Одоевский, например, размышлял о том, что духовные начала утратили свою силу над дряхлой Европой и спасение к ней придет от славянского Востока, где людям свойственно «естественное величие – всеобъемлющая многосторонность» многосторонность: «Стихия всеобщности или, лучше сказать, всеобнимаемости произвела в нашем ученом развитии черту довольно замечательную: везде поэтическому взгляду в истории предшествовали ученые изыскания; у нас, напротив, поэтическое проницание предупредило реальную разработку» [3, с. 182].

Идея народности и особой миссии России в цивилизационном развитии с особым интересом обсуждается в 40-е гг. XIX в. На первый план выходит осознание православной культуры. Эта тема подробно представлена у славянофилов, которые отличались своей сочувствующей позицией к Западу и понимали его религиозную трагедию (А. С. Хомяков, И. В. Киреевский, К. С. Аксаков, Ю. Ф. Самарин). Для них было чуждым отрицание всего западного, равно как и абсолютное восхваление всего национального. К примеру, И. В. Киреевский был сторонником идеи совмещения европейского просвещения с Православием, что, по его мнению, характерно для русского образованного человека. В рамках этого противостояния разворачивается борьба за освоение данной проблематики. Происходящие мировые события (Европейская революция 1848 г. и Крымская война 1853–1856 гг.) обострили проблему осмысления пути развития России.

В своей работе «Россия и Запад», другой известный русский философ Н. Я. Данилевский анализирует неприязнь Запада к России, продолжая традицию славянофилов. Причины этого, он видит в принципиально других установках западной цивилизации. По его мнению, европейская цивилизация, претендующая на всемирное значение и руководствуясь этими установками, в действительности не смогла осуществить положенный в ее основа-

ние христианский идеал. Поэтому Н. Я. Данилевский видит большую приближенность к истине Христовой именно в славянском культурно-историческом типе. В своей критике Запада близок к Н. Я. Данилевскому и другой русский философ, К. Н. Леонтьев со своим неоднозначным отношением к западной цивилизации. Он предполагает, что именно Россия как совершенно особая, в будущем славяно-восточная цивилизация со своей государственностью заменит собою отходящую цивилизацию Романо-Германской Европы: «Вся Европа с XVIII столетия постепенно уравнивается, смешивается вторично... Везде одни и те же конституции, везде германский рационализм, псевдо-британская свобода, французское равенство, итальянская распушенность или испанский фанатизм, везде слепые надежды на земное полное равенство... Цель всего – средний человек, буржуа спокойный среди миллионов таких же людей, тоже спокойных». [2, с. 98]. К. Н. Леонтьеву как консерватору и последовательному защитнику православия, были близки традиции средневековой Европы, в чем проявилось своеобразие его позиции в решении различных проблем.

Весьма интересны и актуальны для сегодняшнего осмысления его размышления о том, что Европа, погибая, заражает славянский мир либерализмом и революционностью. Славяне же, не обладая политическим единством, не имея особого культурного сходства, «больше дорожат растущим европеизмом и больше стремятся к нему, чем какой-то особой общеславянской цивилизации» [1, с. 125]. В этом своем стремлении, обращает внимание философ, некоторые из славянских народов один за другим становятся противниками России. Даже этническое родство здесь не может помочь. Спасение К. Н. Леонтьев видит в сильных византийских традициях России. Эти традиции, унаследованные от Византийской империи, были творчески преобразованы и только тогда приспособлены к русским условиям. Прежде всего, это православие, затем сильная власть монархии и влиятельная сословность [1, с. 125]. Философ абсолютно уверен, что Россия способна добиться приращения славы и величия, оберегая себя от болезней либерализма и европеизма, в том числе и от зараженных ими славянских народов.

Характерной особенностью славянофильского подхода в размышлениях на представленные темы является идея ведущей роли славянского православного культурно-исторического типа в примирении односторонности Востока и Запада, в объединении духовных богатств в одно великое целое (И. С. Аксаков). С его точки зрения, в этом и состоит великая роль России.

Во второй половине XIX в. явное противостояние двух известных направлений русской философии сменяется удивительным синтезом взглядов на обозначенные проблемы. Результатом этого синтеза является новое направление в русской философии – народничество. Представители народников (И. Д. Лавров, Н. К. Михайловский) поставили перед собой задачу сближения с подлинной жизнью народа, что означало пропагандирование «российского», т. е. некапиталистического пути к социализму. Русский, крестьянский социализм с его нравственно-духовной и экономической основой (артель, сельская община) во всех отношениях противостоял машинно-индустриальному, западному развитию.

В поисках собственного пути развития русские философы видели уникальную возможность познания мира через эмоционально-психологические механизмы, как необходимое дополнение к западной рациональности. Такой синтез будет способствовать объединению человечества для решения многих глобальных проблем. Например, идея «обожения» человека, выдвинутая русскими космистами прогрессирует в своем развитии от совершенствования физической, душевной и духовной природы как человечества, так и отдельного человека с целью создания бессмертного Божественного Бытия, до создания целостной концепции Богочеловечества (Н. А. Умов и Н. Ф. Федоров).

Известный русский философ Н. Ф. Федоров, считал главной задачей всего человечества – сознательное управление эволюционным процессом. Выполнение этой великой задачи предполагает всеобщее познание, совместный труд и опыт человечества с целью расширения любых возможностей и пределов реального мира и выход за пределы устоявшегося состояния науки. Такой призыв к смене научных парадигм предполагал не столько искусственное прибавление к человеческим органам, т.е. техни-

ческое совершенствование, сколько, радикальное преобразование органов человека. Размышления подобного рода свидетельствуют о том, что для русских философов характерно признание идеи единения человечества в рамках развития науки и общечеловеческих ценностей с учетом национальных культурно-цивилизационных особенностей.

В специфике русского мышления можно выделить высокий интерес к чудесному, трансцендентному, а значит близость библейскому восприятию мира. В то же время, по известному замечанию Л. И. Шестова: «Европа давным-давно забыла о чудесах: она дальше идеалов не шла; это у нас в России до сих пор продолжают смешивать чудеса с идеалами...» [4, с. 60]. Но, по утверждению Н. Я. Данилевского, ни одна цивилизация не является высшей точкой исторического развития. И такую точку зрения разделяют многие русские философы, что дает возможность принять ее в качестве доминирующей в русском философском сознании. Подтверждением этому могут быть различные провальные, современные процессы внедрения западной модели демократического устройства общества в России.

Предложения русских философов о возможности решения основополагающих проблем русского мира и человечества в целом важны для изучения в свете современных глобальных процессов, для выработки мировоззренческой позиции, способной к сохранению и внедрению национальных интересов в многополярный мировой процесс.

Список литературы

1. Володихин Д. М. «Высокомерный странник». Философия и жизнь Константина Леонтьева. – М.: Мануфактура, 2000. – 185 с.
2. Леонтьев К. Н. Цветущая сложность: Избр. ст. – М.: Мол. гвардия, 1992. – 318 с.
3. Одоевский В. Ф. Русские ночи // Одоевский В. Ф. Соч. В 2-х т. – М.: Худож. лит., 1981. – Т. 1. – С. 31–246.
4. Шестов Л.И. Апофеоз беспочвенности: опыт адогматического мышления. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1991. – 216 с.

УДК 355.01

Светлана Ивановна Иванова,

канд. филос. наук, доцент

Военный учебно-научный центр военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина»,

Воронеж, Россия

isvetlanai@inbox.ru

ТЕРРОРИЗМ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН: ПРОБЛЕМА ПОНИМАНИЯ

***Аннотация.** В статье рассматривается терроризм как сложный социокультурный феномен. Он представляет собой многослойное по своему содержанию и последствиям явление: политическое, социальное, психологическое, морально-нравственное. Особое внимание уделяется проблеме формирования универсального определения понятия «терроризм».*

***Ключевые слова:** терроризм, террор, политическое насилие, психологическое насилие.*

Svetlana Ivanovna Ivanova,

Candidate of Philosophy, Associate Professor

Air Force Academy named after professor N. E. Zhukovsky and Y. A. Gagarin,

Voronezh, Russia

isvetlanai@inbox.ru

TERRORISM AS A SOCIO-CULTURAL PHENOMENON: THE PROBLEM OF UNDERSTANDING

***Summary.** The article considers terrorism as a complex socio-cultural phenomenon. It is a multi-layered phenomenon in its content and consequences: political, social, psychological, moral and moral. Particular attention is paid to the problem of forming a universal definition of the concept of «terrorism».*

***Keywords:** terrorism, terror, political violence, psychological violence.*

На пороге третьего тысячелетия перед мировым сообществом встала грозная проблема международного терроризма. В последние годы многочисленные террористические атаки в разных странах мира продемонстрировали, что нельзя игнорировать возрастающие риски и последствия терроризма.

Для понимания сущности терроризма как социокультурного феномена необходимо рассмотреть проблему в смысловой взаимосвязи с понятием «террор». Эти понятия в обыденной речи, в научной литературе часто используются как синонимы, однако следует их разграничивать. Возникновение этих понятий ученые относят к эпохе Великой французской революции, когда они использовались в пределах одного и того же социально-политического и культурного контекста. Понятие «террор» (от фр. *l'aterrreur* – «страх», «ужас») было введено в политический лексикон сторонниками антимонархического движения: жирондистами и якобинцами, стремившимися вынудить короля заменить прежних министров лидерами леворадикальных группировок, угрожая в случае неповиновения народной расправой [5, с. 42]. То есть под террором понимались отдельные антиправительственные выступления, направленные на устрашения политических противников. Как правило, стихийное насилие масс подавалось как реакция народа на незаконное насилие (террор), осуществляемое королевской властью в лице Людовика XVI. Подобная трактовка служила моральным оправданием всплеск насилия со стороны народа. Практика такого насилия, получившая широкая распространение и оправданная «гневом народным», по мнению исследователей, может быть обозначена как террористическая [5, с. 43].

Наиболее раннее определение терроризма можно обнаружить в словаре Французской академии 1798 г., который определяет терроризм как «систему, режим террора» (якобинского) [5, с. 46]. Подобная трактовка понятия отождествляет терроризм и террор, не различая их функций: террор выступает как метод политики, а терроризм – как его систематическое проявление. Однако современные исследователи, отмечая сходство понятий, все же выделяют их смысловые особенности. Основное различие проявляется на уровне субъектов: «террор» – это насилие, применяемое государством (насилие со стороны «сильного»), «терроризм» – это насилие со стороны оппозиции (со стороны «слабого») [2, с. 12–13].

По поводу вопроса возникновения терроризма существуют различные мнения ученых. Некоторые из них, рассматривая тер-

роризм как любое политическое убийство, видят его истоки уже в период античности (У. Лакер). Другие исследователи рассматривают его как явление, исключительно относящееся к XX в. (Й. Александер, В. Чаликова и др.) [2, с. 13].

На наш взгляд, заслуживает внимания концепция О. В. Будницкого, которая относит возникновение революционного терроризма к рубежу 70-80-х гг. XIX века. Примеры подобного террористического насилия автор видит в действиях отдельных лиц (К. Занд, Ф. Орсини) и организаций (карбонарии в Италии, «Народная воля» в России). Однако их объединяет синтез идеологии, организации и действия, носящего систематический и публичный характер [2, с. 14]. Значительное влияние на превращение терроризма в систему, по мнению автора, сыграл технический прогресс. Изобретение динамита, возникновение средств массовой информации, а также быстрых способов ее передачи во много раз увеличивали пропагандистский эффект террористической деятельности [2, с. 14].

Все разнообразие подходов в определении рассматриваемого понятия можно классифицировать по трем видам, в зависимости от существенных аспектов терроризма, на которых делается акцент.

К первой группе можно отнести определения терроризма, в которых упор делается на психологической составляющей, а точнее на элементе устрашения. Среди зарубежных исследователей данную концепцию поддерживают А. Бернард и П. Уилкинсон. А. Бернард характеризует политический терроризм как способ достижения определенных целей по средством формирования нужных реакций тех, на кого направлен данный акт насилия (например, правительство, мировое сообщество или международное общественное мнение) [4, с. 34]. П. Уилкинсон рассматривает терроризм как специфическую форму насилия или психологического запугивания, сущность которого заключается в умышленной политике использования страха для морально-психологического воздействия на оппонентов [6, с. 17].

Данную точку зрения разделяет отечественный исследователь Ю. М. Антонян. Терроризм рассматривается им как способ ослабления противника средствами как физического, так и пси-

хологического воздействия. Причем первая составляющая может отсутствовать, а вторая преобладает и носит демонстративный характер [1, с. 8].

Вторая группа определений терроризма акцентирует внимание на его политических целях. Подобные определения широко распространены среди западных исследователей. Например, американский политолог У. Лакер рассматривает терроризм как «нелегитимное использование силы для реализации политической цели путем угрозы невинным людям» [2, с. 9]. Британский исследователь Б. Крозье вообще определяет терроризм как «мотивированное насилие с политическими целями» [2, с. 10].

Среди отечественных исследователей данный подход отражают В. В. Витюк и И. В. Данилевич, рассматривая терроризм как «метод социальной борьбы, основанный на применении идеологически мотивированного насилия во имя политических целей» [3]. А также С. А. Эфиров, который определяет исследуемый феномен как «систему спорадических насильственных актов политической ориентации» [8].

Однако трактовки терроризма, выдвигающие на первый план один какой-либо признак, на наш взгляд, с одной стороны, отличаются простотой, но, с другой стороны, всегда требуют дополнительных характеристик для адекватного отражения изучаемого понятия. Эта необходимость объясняется многообразием моделей терроризма (политический терроризм, религиозный терроризм, патологический терроризм и др.), различными мотивациями террористической деятельности (религиозной, политической и др.), целями (формирование атмосферы страха и разрушения) и методами борьбы (бомбы, оружие массового поражения, террористы-смертники и др.).

Поэтому представляется необходимым отдавать предпочтение так называемым «сложным» определениям, которые объединяют несколько признаков терроризма, выдвигая на первый план один из них. Примером может являться формулировка понятия, данная отечественным исследователем В. Е. Петрищевым, который понимает под терроризмом «систематическое, социально или политически мотивированное, идеологически обоснованное использование насилия либо угроз применения такового, по-

средством которого через устрашение физических лиц осуществляется управление их поведением в выгодном для террористов направлении и достигаются преследуемые террористами цели» [7, с. 38].

Таким образом, терроризм как социокультурный феномен представляет собой сложное, многослойное по своему содержанию и последствиям явление: политическое, социальное, психологическое, морально-нравственное [9]. Он по-разному проявляется в различных странах, в зависимости от культурных традиций, социальной структуры и многих других факторов, которые затрудняют возможность дать общее определение этому понятию.

Список литературы

1. Антонян Ю. М. Терроризм: криминологическое и уголовно-правовое исследование. – М.: Щит-М, 1998. – 305 с.
2. Будницкий О. В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX– начало XX в.). – М.: Политическая энциклопедия, 2016. – 383 с.
3. Витюк В. В., Данилевич И. В. Терроризм как политический феномен и как теоретическая проблема // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.h-rights.ru/obj7doc.php?! D=199095>
4. Нестик Т. А., Сосин В. А. Современный терроризм: социально-психологический анализ. – М.: Издательство Институт психологии РАН, 2008 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.liters.ru/pages/biblio_book/?art=
5. Одесский М. П., Фельдман Д. М. Поэтика террора и новая административная ментальность: очерки истории формирования. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1997. – 187 с.
6. Ольшанский Д. В. Психология терроризма. – СПб: Питер, 2002. – 288 с.
7. Петрищев В. Е. Заметки о терроризме. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 288 с.
8. Эфиоров С. А. Партизанские войны и терроризм // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://terrorism.wallst.ru/digest 0007. htm>
9. Makedonskaja V., Bykovskaia G., Miroshnichenko E. Socio-cultural Integration in the youth environment: the high school experience // E3S Web of Conferences. 8. ITSE, 2020. – С. 18053.

УДК 130.2

Марина Анатольевна Попова,

канд. полит. наук, доцент

Международный институт компьютерных технологий, Воронеж, Россия

knpopova@yandex.ru

АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ

Аннотация. *В данной работе проводится краткий анализ понятия «философия истории» и конкретизируется аксиологическое направление философии истории, представленное в работах В. Виндельбанда и Г. Риккерта.*

Ключевые слова: *философия истории, аксиологическая концепция, ценности, трансцендентальность, эстетические ценности, этические ценности, исторический процесс.*

Marina Anatoljevna Popova,

Candidate of Politology Science, Associate Professor

International Institute of Computer Technology, Voronezh, Russia

knpopova@yandex.ru

AXIOLOGICAL CONCEPT OF THE PHILOSOPHY OF HISTORY: SOME ASPECTS

Summary. *In this paper, a brief analysis of the concept of «philosophy of history» is carried out and the axiological direction of the philosophy of history presented in the works of V. Windelband and G. Rickert is concretized.*

Keywords: *philosophy of history, axiological concept, values, aesthetic values, ethical values, transcendence, historical process.*

Философия истории занимает одно из ключевых мест в философской проблематике, так как имеет не только теоретический, но и прикладной характер, связанный с конкретным историческим процессом. Синтез двух наук – философии и истории, позволяет наиболее полно осмыслить прошлое, проанализировать настоящее и с позиций философского мировоззрения спрогнозировать развитие общества с учетом накопленного исторического опыта.

Зарождение философского взгляда на историю произошло в древности, так как мыслители и Востока и Запада уделяли внимание эволюции исторического самосознания, важнейшими составными частями которого всегда являлись представления о единстве и многообразии исторического процесса, периодизации и структурировании его форм, движущих силах и направленности развития человечества.

Автором термина «философия истории» является французский философ-просветитель XVIII в. Вольтер (1694–1778), который понимал под ним критическую, или научную, историю, способ мышления, когда историк самостоятельно судит о предмете, а не повторяет истории, вычитанные из старинных книг.

Немецкий философ Г. Гегель (1770–1831) полагал, что понятие «философия истории» включает в себя всемирную, историю, то есть ключевая роль отводится именно исторической науке [2].

Представители позитивизма XIX века (О. Конт, Д. Милль, Г. Спенсер и др.) рассматривали «философию истории» с точки зрения открытия общих законов, управляющих ходом событий, о которых обязана рассказать история, то есть выводили её на эмпирический уровень.

Объектом философии истории в современном понимании является сегмент исторической жизни человечества или всемирная история в целом, что близко точке зрения Г. Гегеля. Философия истории утвердилась как философская рефлексия относительно исторического процесса, которая осуществляет теоретическое осмысление истории с разных точек зрения, в том числе с точки зрения аксиологии.

Аксиологическое направление философии истории особое внимание уделяет проблеме ценности истории, а также выяснению рациональных оснований для суждений, объявляющих некоторые явления исторического знания ценными либо неценными.

Значительный вклад в развитие данной концепции внесли немецкие философы – представители баденской школы неокантианства В. Виндельбанд (1848–1915) и Г. Риккерт (1863–1936). Они определяли философию как всеобщую науку о ценностях,

которые, как писал Г. Риккерт, образуют «совершенно самостоятельное царство, лежащее по ту сторону субъекта и объекта».

Исходя из кантовского различия теоретического и практического разума, В. Виндельбанд и Г. Риккерт противопоставляли философию как нормативное учение, основанное на ценностных суждениях и познании должного, истории и опытным наукам, опирающимся на теоретические суждения и эмпирические данные о «сущем».

Рассматривая соотношение общественного бытия и духовной жизни, В. Виндельбанд и Г. Риккерт критически отнеслись к предложенному К. Марксом материалистическому пониманию истории, в котором обосновывалось определяющее значение экономического фактора (бытия) в развитии общества, а победа пролетариата объявлялась «абсолютной ценностью». По их мнению, духовная жизнь играет в истории общества ведущую роль по отношению к бытию, и для неё характерны ценности другого порядка.

По мнению В. Виндельбанда, «историческим фактом» может считаться только то, что имеет «значение», критерий же для определения значения того или иного события может дать только система общезначимых ценностей.

Закономерность как основной принцип исторического познания, должна быть заменена процедурой «отнесения к ценностям», которые имеют надисторический характер и образуют в своей совокупности идеальный, независимый от людей трансцендентальный (потусторонний) мир. Из этого мира исходят соответствующие идеи, прежде всего идея трансцендентального долженствования, она указывает на безусловное, не ограниченное временем и пространством абсолютное значение этих ценностей. По мере их осознания люди вырабатывают соответствующие ценностные установки и требования, которыми руководствуются в жизни, поведении, повседневной и исторической деятельности.

В соответствии с этим В. Виндельбанд различал логические, эстетические, этические и религиозные ценности, и полагал, что они априорны, общезначимы и трансцендентальны, то есть выходят за некий предел. По его мнению, этические проблемы близки к социальным, поэтому конечной целью исторического

прогресса является самоопределение человечества в соответствии с «этическим идеалом». Однако эстетические ценности занимают более высокое место по сравнению с этическими, так как они свободны от воли и заинтересованности. Дуализм мира действительности и мира ценностей (того, что есть, и того, что должно быть) он объявлял «священной тайной», обнаруживающей ограниченность нашего познания и устремляющей нас в сферу религиозных ценностей [1, с. 473–476].

Развивая традиции телеологического критицизма И. Канта и В. Виндельбанда, Г. Риккерт противопоставил философию как мировоззрение наукам о бытии, которые изучают действительность в ее материальной данности. Философия как логика, напротив, не интересуется действительностью в ее живом и многообразном содержании. Философия вообще занята только формами, она исследует не действительность, а ценности.

Основой аксиологической концепции философии истории Г. Риккерта является анализ отношения бытия и сознания, личности и ценностей, к которым относятся истина, красота, добро, надличная и личная святость, нравственность, любовь, счастье. Данные ценности позволяют отделить явления природы от явлений культуры, которой присущи особая сфера опыта и особый объект, благодаря которым возникла история как наука. Исторические объекты конституируются благодаря соотношению фактов с ценностями, что позволяет определять историческое как историческое, то есть существенное.

«Связывание с ценностью, – отмечает Г. Риккерт, – составляет одну из самых существенных сторон исторического метода, ценности одновременно сообщают смысл историческому процессу и структурируют его... История вообще может иметь смысл только для оценивающих существ» [4, с. 206, 213]. Уничтожение связи объекта с ценностью приводит к уничтожению исторического интереса и самой истории, поэтому историческое сознание с самого начала есть сознание аксиологическое, ценностно ориентированное.

Г. Риккерт подчёркивает, что отнесение к ценности является теоретической и логической процедурой, которую следует отличать от практического акта оценки. «С логической точки зре-

ния чисто теоретическое отнесение к ценности принципиально отличается от акта оценки и ничуть не противоречит научному познанию» [4, с. 208].

В то же время, «логическое исследование никогда не может запретить историку, не ограничиваясь теоретическим отнесением к ценности, подходить с той или иной оценкой к своим объектам. Да и вряд ли действительно найдется такой исторический труд, в котором бы совершенно не было положительной или отрицательной оценки объектов» [4, с. 211].

Таким образом, положительная или отрицательная оценка исторических свидетельств и фактов является результатом работы историка, который их собирает и упорядочивает с «точки зрения ценности», и создает историческую целостность. Психологически акты оценки фактов и отнесения к ценности неразделимы, их можно различить только логически.

Г. Риккерт делает вывод о развитии человеческого общества в соответствии с осуществлением ценностей, сначала индивидуально-конкретных и исторических, а затем общезначимых, общечеловеческих: «... Понятие развития, коль скоро оно правильно понимается, в самом деле выражает логическую сущность исторической науки...» [3, с. 115].

С одной стороны, развитие есть предпринятое мыслящим субъектом соотнесение процессов с тенденциями и оценками, фактически действующими в этих процессах, с другой - соотнесение этих же процессов с общечеловеческими и рациональными ценностями. Однако Г. Риккерт абсолютизирует систему ценностей, что не всегда позволяет рассмотреть исторический процесс в динамике [5].

Рассмотренное в данной работе аксиологическое направление философии истории особое внимание уделяет рациональным суждениям исследователя о ценности или не ценности тех или иных исторических событий и явлений. В результате сбора, упорядочения, анализа с «точки зрения ценности» исторических свидетельств и фактов, положительной или отрицательной их оценки создается историческая целостность.

Таким образом, аксиологическая концепция философии истории выступает как учение о природе и сущности ценностей,

имеющих значение для жизни и деятельности людей, и воплощенных в историческом процессе.

Концепции философии истории, созданные в предыдущий период, в том числе аксиологическая, не теряют своей актуальности, так как они направлены на изучение исторического процесса с точки зрения философских категорий познания, ценности, понимания и логики, выводящих историю на высокий научный уровень.

В то же время, на современном этапе развития общества в рамках философии истории существует определенный дефицит новых теорий, отвечающих потребностям XXI в. Их необходимость обусловлена изменившейся реальностью – социальными преобразованиями, новыми социальными идеалами, которые необходимо проанализировать для определения подлинных перспектив развития общества, применяя одновременно и философские и исторические методы с целью всестороннего критического исследования и научного осмысления.

Список литературы

1. Виндельбанд В. История новой философии в ее связи с общей культурой и отдельными науками: В 2 т. – М.: «Гиперборея», «Кучково поле», 2007. – Т. 2: От Канта до Ницше. – 512 с.
2. Гегель Г. Философия истории. – М.: Издательство Юрайт, 2019. – 378 с.
3. Дёмин И. В. Проблема соотношения истории и природы в историкофилософских концепциях Кроче и Коллингвуда // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология». – 2016. – № 1 (19). – С. 113–125.
4. Риккерт Г. Философия жизни. – Киев: Ника-Центр, 1998. – 512 с.
5. Юдин А. И. Ценность как метод познания социальной действительности и ее практического преобразования: Г. Риккерт и П. Л. Лавров // Философская мысль. – 2014. – № 10. – С. 80–103.

УДК 1.191.470

Стефан Сергеевич Православский,
канд. филос. наук, старший преподаватель
Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия
stprvs@mail.ru

Алина Александровна Арсентьева,
студентка
Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия
azacepina01@gmail.com

ПЕРСОНАЛИСТИЧЕСКАЯ ЭСХАТОЛОГИЯ Н. А. БЕРДЯЕВА

Аннотация. Данная статья посвящена анализу эсхатологической проблематики в историософии Н. А. Бердяева, в которой общее понимание развития истории рассматривается как трагедия взаимосвязи Божественного и человеческого, небесного и земного, вечного и временного.

Ключевые слова: эсхатология, историческое, свобода, Богочеловечество, Христианство, творчество, воскресение.

Stefan Sergeevich Pravoslavsky,
Candidate of Philosophy, senior lecturer
Voronezh State University, Voronezh, Russia
stprvs@mail.ru

Alina Alexandrovna Arsentieva,
A Student
Voronezh State University, Voronezh, Russia
azacepina01@gmail.com

PERSONALISTIC ESCHATOLOGY OF N. A. BERDYAEV

Summary. This article is devoted to the analysis of eschatological issues in the historiosophy of N. A. Berdyaev, in which the general understanding historical development is considered as a tragedy of the relationship between the Divine and the human, the heavenly and the earthly, the eternal and the temporal.

Key words: eschatology, historical, freedom, God-manhood, Christianity, creation, resurrection.

Исследуя основные проблемы, поднимаемые русской религиозной мыслью конца XIX – начала XX вв., мы находим целый пласт историософских учений, содержащих различные варианты понимания истории в лице В. С. Соловьева, Н. А. Бердяева, П. А. Флоренского, Н. Ф. Фёдорова. Всех их объединяет трагическое восприятие исторического процесса, ощущение его конца. Более того, их понимание истории разрывает связь с научной методологией и открывает границы для религиозного мироощущения, которое и сближает их историософию с эсхатологическим учением Христианства. Именно осмысление истории Н. А. Бердяевым является наиболее кульминационной точкой в развитии русской философской эсхатологии, потому что, с одной стороны, вбирает в себя наиболее центральные идеи В. С. Соловьева, а с другой, даёт новую почву для последующего укрепления эсхатологии в историко-философском контексте.

Эсхатологичность мышления Н. А. Бердяева, как и у В. С. Соловьева, раскрывается в его историософских исследованиях, которые задали основной вектор для рассмотрения истории как религиозно-творческого процесса. Последний раскрывается не только как процесс, но и как диалектическое становление, в котором духовные силы человечества то отдаляются, то приближаются к Божественному, к истинному пониманию истории, к ее тайне. Но основной эсхатологический подтекст Н. А. Бердяева вскрывается в той идее, что историю невозможно мыслить без конца, – в этом ее основное назначение. История мыслится Бердяевым в неразрывной связи с эсхатологией, без последней само понимание истории начинает гаснуть, потому что отсутствие исхода, какого-то катастрофического разрешения делает ее бессмысленной, убивает всякое внутреннее движение, всякую процессуальность, которая только и придает ей творческую силу.

Так, в своем главном историософском произведении – «Смысл истории» – Н. А. Бердяев различает «историзм» и «историческое». Историзм присущ научному мышлению, которое делает историю пустой, представляет её как набор внешних фактов, не связанных с внутренней жизнью познающего. Такое научное представление отчуждает человека от тайн и внутреннего течения истории, оно не может предоставить цельное понимание истори-

ческого процесса и полностью исключает сакральное измерение истории. Вместо этого человеку необходимо приобщаться к внутреннему движению истории, быть ее частью. История и человек должны быть неразрывно связаны между собой, поэтому «вырывание» человека из недр истории невозможно. Кроме того, историческое для Н. А. Бердяева обладает «онтологическим» силой, потому что «оно внедряется в какую-то глубочайшую первооснову бытия, к которой оно нас приобщает и которую делает понятной. “Историческое” есть некоторое откровение о глубочайшей сущности мировой действительности; о мировой судьбе, о человеческой судьбе как центральной точке судьбы мировой» [1, с. 15]. Таким образом Н. А. Бердяев подчеркивает важность соединения человека и истории, сталкивая их для того, чтобы сам человек почувствовал близость исторического процесса к его собственной судьбе, чтобы его судьба была внутреннее причастна к исторической судьбе, чтобы история была для него просто внешней историей, но подлинной динамичной реальностью. Это есть внутреннее соединение судьбы индивидуальной с судьбой общемировой. Поэтому для Н. А. Бердяева так велика роль исторической памяти, которая открывает для человека целый пласт духовных традиций, делает его духовно «родственным» и восприимчивым к истории. Только через человека возможна эта передача традиций и мировосприятия, только его открытость по отношению к историческому создает некое поле духовного единства всех времен.

Н. А. Бердяев предлагает рассмотреть несколько видов понимания истории. Первый – самый далекий от идеала «исторического» – древнегреческое восприятие истории, которое основано на циклическом чувстве времени, и, следовательно, статическом восприятии истории. Древним грекам было чуждо понятие динамического в истории, они не могли увидеть историческое предназначение, потому что мир воспринимался ими как замкнутый, как завершённый космос, обладающий гармонией и внутренним порядком. Для них мир не обладал исторической напряженностью, трагичностью, он был исключительно созерцателен. Только при помощи созерцания можно было внутренне приобщиться к нему.

Второй тип исторического понимания – это понимание, открывающееся иудаизмом и христианством. Именно иудаизм впервые осознал собственную исторически-религиозную судьбу, стал мессианским народом, который, по мнению Н. А. Бердяева, получил Божественное откровение. Национальное сознание евреев обладало огромной напряженностью, которую они воплотили в жажде «торжества правды Божьей на земле». Иудейское чувство завершенности истории, её конца возвышает евреев над греками, с помощью них открывается новая эсхатологическая перспектива исторического понимания. Важно отметить, что Н. А. Бердяев видит особенность еврейского сознания в том, что оно таит внутри себя «эсхатологический миф», который проявляется в хилиастическом ожидании, в обращенности к будущему, в переживании собственной национальной судьбы. Однако парадоксальность и трагичность еврейской судьбы народа состоит в том, что их мессианская идея так и не смогла осуществиться, Христос не смог осуществить желанное ими Земное царство, и потому был отвергнут как ложный пророк. «Тайны распятия еврейский народ принять не мог, он не мог принять Христа, потому что Христос явился в образе смиренной, а не торжествующей в земной жизни правды» [1, с. 81]. Это отторжение иудеями Христа, по мысли Н. А. Бердяева, отразило их кризис эсхатологического предчувствия, иудеи так и не смогли довести до конца собственный эсхатологический замысел, и этот импульс передался Христианству.

Благодаря христианству появилось понимание свободы, которое сделало возможным столкновение добра и зла. Это имеет колоссальное значение для восприятия истории как процесса динамического и творческого, поскольку предполагает борьбу двух противоположных начал, драматическое напряжение, заостренное чувство исторического движения. Более того, это внесло и новое понимание истории, предполагающее Богочеловечество, соединение божественного и человеческого начала, что невозможно без осознания человеком собственной свободы. Свобода человеческого духа возносит его над природной необходимостью и притягивает его к Божественному началу. Без человеческой свободы Божественная свобода не может создать истории, Бог

нуждается в человеке. «Мир потому зачался, что Бог изначально возжелал свободы. Если бы он не возжелал и не ждал свободы, то мирового процесса не было бы. Вместо мирового процесса было бы неподвижное, изначально совершенное Царство Божье, как необходимая predetermined гармония» [1, с. 46]. Так, история не есть необходимость, история – это взаимодействие Бога и человека, Земной и Небесной истории. Рождение Христа – смысловой центр понимания истории, её «откровение», потому что именно Христос является переплетением этих двух начал, связующим звеном Земной и Небесной истории. Христос – это «сердце» истории, от которого и к которому идет весь мировой процесс. Христианство для Н. А. Бердяева стало тем, что смогло соединить время земное и время Небесное, благодаря чему в конечной истории открывается возможность перехода в вечное Божественное состояние, выхода за земные пределы истории. «Пролог земной истории – на небе» [2, с. 9].

Действительно, время для Н. А. Бердяева имеет центральное значение для построения метафизики истории. Ограниченность исторического сознания состоит в делении истории на прошлое, настоящее и будущее, из-за чего само восприятие истории становится неполноценным, раздробленным и не имеет в себе основы для духовного единства всего человечества. Каждый из элементов времени вступает в некую «вражду» с другим, взаимно исключает другого самоутверждением в ускользающем настоящем. Прошлое «пожирается», «истребляется» будущим. Это и заставляет Н. А. Бердяева провозгласить победу над временем, которая заключается в сливании прошлого, настоящего и будущего в вечное. Это есть всеобщее воскресение всех поколений для вечной жизни. Таков эсхатологический исход истории для Н. А. Бердяева, и это то, что сближает его с поздним В. С. Соловьевым.

Именно с помощью идеи о воскресении всех Н. А. Бердяев критикует идею прогресса или «утопию земного рая», которая, с одной стороны, утверждает конец истории, но с другой, оставляет без внимания все поколения кроме тех, которые будут существовать во время достижения «совершенного состояния». Идея прогресса воспринимает предшествующие поколения лишь как сред-

ства для достижения блаженства одним поколением, потому что ограничена земным временем, невозможностью одновременного сосуществования и прошлого, и настоящего, и будущего. Такой взгляд лишается основы для всеединства, а потому не может быть подлинно эсхатологичен.

Из этого следует, что эсхатология для Н. А. Бердяева должна включать в себя не только учение о конце истории, но и воскресение всех поколений, переход к абсолютному времени. «В действительности каждое поколение имеет цель в самом себе, несет оправдание и смысл в своей собственной жизни, в творимых им ценностях и собственных духовных подъемах, приближающих его к Божественной жизни, а не в том, что оно является средством и орудием для поколений последующих» [1, с. 151].

Тем не менее, несмотря на духовный подъем, который был дан человечеству христианством, произошло отпадение человека от Божественной сферы, и теперь весь центр тяжести сместился на человека, а Божественное начало отходить на второй план. Это особенно заметно в эпоху Ренессанса. Начала происходить секуляризация культуры, стремление к духовности постепенно изменилось на стремление к природе, к созерцанию её тайн, а потом и к её покорению. Дух христианства начал стремительно гаснуть в человеке. Если христианство подняло человека до духовного состояния, открыло в нем божественное измерение, то теперь человечество снова опустило себя до состояния зависимости, только уже не от природных стихий, а от техники. Появление машины окончательно разрывает ту связь между Богом и человеком, которая ещё в какой-то мере поддерживалась Ренессансным чувством свободы личности, культом Творца. Человечество находится на этапе собственного разложения и увядания своих творческих сил. Раболепие перед техносферой истощает и обезличивает человечество. Оно потеряло не только человеческое, но и сверхчеловеческое, и вместо этого обрело под-человеческое начало, в котором стерлось понимание истории как таинственного свершения всемирной судьбы. На смену этому пришло понимание истории как историзма, который наиболее полно выражается в «диалектическом материализме» К. Маркса. Последний деонтологизирует историю в качестве духовного феномена. Очевидно, что

история человечества переживает трагедию собственной культуры, её кризис и исчерпание. Н. А. Бердяев замечает, что «самоутверждение человека ведет к самоистреблению человека, раскрытие свободной игры сил человека, не связанного с высшей целью, ведет к иссяканию творческих сил» [1, с. 110].

Между тем, Н. А. Бердяев, как и В. С. Соловьев, доводит свою историософию до предела, не оставляя человека в тупике исторического развития. Так, Н. А. Бердяев находит разрешение этой исторической неудачи человеческого пути. Оно состоит в том, что историю нужно понимать не как эволюцию культуры, а как пространство постоянной борьбы и краха, как череду неудач. В противном случае в такой истории нет никакого смысла. «Смысл истории заключается не в том, чтобы она была разрешена в какое-то мгновение, в какой-либо период времени, а в том, чтобы раскрылись все духовные силы истории, все ее противоречия, чтобы было внутреннее движение трагедии истории и лишь в конце явлена была всеразрешающая истина» [1, с. 143].

Таким образом, особенность эсхатологии Н. А. Бердяева определяется именно творческим и созидательным характером исторического процесса, а также активностью исторического субъекта в преодолении временных границ и историзмов, в то время как для В. С. Соловьева важна этическая сторона истории, смысл которой состоит в борьбе со злом в лице Антихриста. Но при этом, Н. А. Бердяев, вслед за В. С. Соловьевым видит задачу человеческого развития не в том, чтобы достигнуть блага в пределах земной истории, а в выходе за пределы собственной исторической конечности; человечество всегда сверхисторично и именно поэтому нельзя говорить о конце истории без утверждения Богочеловечества как сверхисторического начала, начала торжества вечного времени и воскресения всех поколений.

Список литературы:

1. Бердяев Н. А. Смысл истории. – М.: «Мысль», 1990. – 174 с.
2. Зимовец Л. Г. Н. А. Бердяев о смысле истории // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2010. – № 4. – С. 8–13.

УДК 94(476):331.108

Игорь Александрович Пушкин,

канд. истор. наук, доцент

Белорусский государственный университет пищевых и химический технологий,

Могилев, Беларусь

ihar.pushkin.st@gmail.com

ПОДГОТОВКА КАДРОВ ДЛЯ ПИЩЕВОЙ И ХИМИЧЕСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Аннотация. *В статье раскрыта история Белорусского государственного университета пищевых и химических технологий (Могилев) за 1973–2023 гг. Проанализирована учебная и научная работа, показана роль и значение университета в подготовке профессиональных кадров для промышленности.*

Ключевые слова: *Беларусь, БССР, кадры, подготовка кадров, образование, пищевая и химическая промышленность.*

Igor Alexandrovich Pushkin,

Candidate of History Science, Associate Professor

Belarusian State University of Food and Chemical Technologies,

Mogilev, Belarus

ihar.pushkin.st@gmail.com

PERSONNEL TRAINING FOR THE FOOD AND CHEMICAL INDUSTRY

Summary. *The article reveals the history of the Belarusian State University of Food and Chemical Technologies (Mogilev) for 1973–2023. Educational and scientific work is revealed, the role and importance of the university in the training of professional personnel for industry is shown.*

Keywords: *Belarus, Soviet Belarus, personnel, personnel training, education, food and chemical industry.*

Знаменательным событием в 2023 г. в системе высшего образования Республики Беларусь стало празднование полувекового юбилея Белорусского государственного университета пищевых и химических волокон (Могилёвского технологического института, Могилёвского государственного университета продовольствия). За 50 лет деятельности университет подготовил более

38 тысяч специалистов. Многие из них стали руководителями, ведущими специалистами предприятий и организаций. Роль университета, первого и единственного профильного пищевого вуза нашей страны, в деле подготовки специалистов была отмечена в приветственном поздравлении Президента Беларуси А. Г. Лукашенко.

Предыстория университета началась 9 сентября 1971 г., когда Министерство высшего и среднего специального образования БССР обратилось в ЦК КПБ и СМ БССР с предложением об организации технологического института в Могилеве. Вопрос об его открытии был согласован с Могилевским обкомом КПБ и Могилевским облисполкомом. 13 октября 1971 г. это предложение поддержал Госплан БССР, а 18 октября Министерство пищевой промышленности.

В результате 15 декабря 1971 г. секретарь ЦК КПБ П. М. Машеров и председатель СМ БССР Т. Я. Киселев направили соответствующее письмо в ЦК КПСС и СМ СССР:

«Народное хозяйство БССР испытывает острую потребность в инженерах-механиках и технологах для пищевой промышленности, торговли и общественного питания. В настоящее время в этих отраслях на инженерных должностях занято свыше 8 тыс. лиц (35%), не имеющих высшего специального образования. В результате значительного расширения сети предприятий пищевой промышленности, торговли и общественного питания удельный вес практиков в общем числе инженерных кадров за последнее десятилетие не уменьшился. Ежегодная потребность в специалистах высшей квалификации 600 человек.

В связи с этим ЦК КПБ и СМ БССР просят открыть в 1972 г. технологический институт в Могилеве» [7, л. 68–77].

31 марта 1972 г. специальным постановлением СМ СССР принимает решение создать на территории БССР еще одно высшее учебное заведение – Могилевский технологический институт (МТИ).

Во исполнение данного постановления было принято соответствующее решение СМ БССР и издан приказ Министерства высшего и среднего специального образования БССР от 26 июля

1972 г. о создании в Могилеве технологического института с 1 января 1973 г.

Исполняющим обязанности ректора с 6 декабря 1972 г. назначили к.э.н. Виктора Яковлевича Михолапа, декана технологического факультета Могилевского машиностроительного института (ММИ) [3, л. 4; 7, л. 135; 2, л. 1].

Могилевский технологический институт начал свою работу 2 января 1973 г. В течение месяца был создан аппарат управления МТИ и образованы факультеты: механико-технологический, технологический, вечернего и заочного обучения. Контингент студентов на момент открытия института составлял 1195 человек, в том числе: дневное отделение – 693, вечернее отделение – 417, заочное отделение – 85 студентов. Подготовка специалистов на дневном отделении велась по 7 специальностям («Машины и аппараты пищевых производств», «Хранение и технология переработки зерна», «Технология бродильных производств», «Технология консервирования», «Технология и организация общественного питания», «Технология молока и молочных продуктов», «Технология химических волокон»), а на вечернем и заочном по 3 специальностям [3, л. 6].

Ректором института с 27 апреля 1973 г. назначили к.т.н., доцента Александра Григорьевича Бесчастнова.

В 1973/1974 учебном году была проведена первая научно-техническая конференция преподавателей, на которой были доложены результаты исследований 38 преподавателями [4, л. 36].

В декабре 1973 г. в МТИ впервые организовали конкурс на лучшую кафедру и факультет по состоянию научно-исследовательской работы студентов. Состоялся первый выпуск инженеров-технологов химических волокон (вечернее отделение) в количестве 85 человек [1, л. 6–8]. Среди тех, кто являлся первыми выпускниками института, был директор Могилевского комбината синтетического волокна В. С. Белявский. Ему вручили диплом под номером 1.

В том же году в технологическом институте организовали подготовительные курсы для поступления в вуз (месячные и годовые), создали студенческое научное общество (СНО), Совет

НОТ и НОУП, первичную институтскую организацию общества «Знание», спортивный клуб МТИ.

В 1974 г. началось строительство общежития на 600 мест, ввели в эксплуатацию первые ЭВМ, состоялся первый выпуск инженеров-технологов химических волокон на дневном отделении. 26–27 марта 1974 г. в институте прошла первая студенческая научно-техническая конференция. Работали 8 научных секций, на которых прозвучал 81 доклад.

На 1 января 1975 г. в институте обучались 2041 студент, из них 1323 на дневной форме обучения. В том же году состоялся первый выпуск по специальностям «Технология и организация общественного питания» и «Машины и аппараты пищевых производств».

30 июня 1975 г. ректором было утверждено положение о студенческом конструкторском бюро МТИ. С 1 сентября 1975 г. образовали и заработали советы дневных факультетов.

В 1976 г. сдали в эксплуатацию первое студенческое общежитие и начато строительства учебно-лабораторного корпуса № 2 (закончено в 1980 г.). Учебный процесс был организован на трёх факультетах: механико-технологическом, технологическом, вечернего и заочного обучения. Подготовку специалистов обеспечивали 15 кафедр. Осенью 1976 г. организовали новый факультет – факультет общественного питания [5, л. 9–10,13].

В 1977 г. состоялся первый выпуск по специальностям «Технология консервирования», «Технология броидильных производств», «Технология молока и молочных продуктов» [8, л. 191].

В 1978 г. началась подготовка инженеров-технологов по специальности «Технология хлебопекарного, макаронного и кондитерского производства», приступили к строительству реабилитационно-оздоровительного центра института [6, л. 9].

С 7 июля 1979 г. ректором института стал д.х.н., профессор Олег Георгиевич Полячёнок. В том же году создали кафедру «Технология молока и молочных продуктов» и вычислительный центр. Для обеспечения учебного процесса необходимой учебной, учебно-методической литературой и документацией в университете в 1979 г. была открыта лаборатория офсетной печати.

1980 г. – этапный год в истории Могилевского технологического института. Введен в эксплуатацию учебно-лабораторный корпус (учебный корпус № 2). До этого года учебные занятия проводились в зданиях, расположенных в различных районах города [8, л. 50–82; 9, л. 354–355]. Согласно штатному расписанию в институте была 21 кафедра.

На 1 сентября 1981 г. в институте работало 195 преподавателей, из них 62 (31,8%) с учеными степенями и званиями. Контингент студентов на дневном отделении увеличился с 1789 студентов в 1978/1979 учебном году до 2100 к началу 1981/1982 учебного года. Было прекращено вечернее обучение.

В 1982 г. создали учебно-научно-производственные объединения: «МТИ – Могилевское областное производственное объединение хлебопродуктов», «МТИ – Могилевское областное производственное объединение молочной промышленности», «МТИ – ПО «Химволокно»; межкафедральную рентгеновскую лабораторию, ввели в эксплуатацию реабилитационно-восстановительный центр. Начато строительство оздоровительно-спортивного лагеря в Чечевичах Быховского района.

В 1983 г. состоялся первый выпуск по специальности «Технология хлебопекарного, макаронного и кондитерского производства», закрыли подготовительное отделение. К 1984 г. МТИ выпустил около 4000 специалистов для отраслей народного хозяйства [11]. В вузе функционировали 21 кафедра с учебными и научными лабораториями, оснащенными современным оборудованием. Присупили к строительству студенческой столовой.

В следующем году создали филиал кафедры «Химической технологии высокомолекулярных соединений» на Могилевском ПО «Химволокно». В мае 1985 г. на базе института проводилась Всесоюзная научно-практическая конференция «Синтез и применение пищевых добавок», в которой приняли участие ведущие ученые Москвы, Прибалтики, Украины, Беларуси. МТИ с 1985 г. стал базовым вузом по проведению Всесоюзного конкурса на лучшую студенческую работу по естественным, техническим и гуманитарным наукам по разделу «Пищевая промышленность».

22 ноября 1986 г. ректором института назначен д.т.н., профессор Анатолий Алексеевич Гриченко. В 1986 г. введена в строй студенческая столовая.

В 1987 г. перестал действовать факультет общественного питания, был подписан договор о сотрудничестве между МТИ и Высшей инженерной школой Кошалина (Республика Польша), состоялась первая зарубежная производственная практика студентов (в Республике Польша).

Очередное пятилетие института отмечено первым выпуском по специальности «Холодильные и компрессорные машины и установки» и сдачей в эксплуатацию студенческого общежития № 2 со спортивным залом и спортплощадками.

В 1989 г. появилась специальность «Технология мяса и мясных продуктов», состоялся первый выпуск по специальности «Автоматизация и комплексная механизация химико-технологических процессов». В 1990 г. открыли аспирантуру [11].

В год создания Республики Беларусь (1991 г.) в институте, среди наиболее значительных событий, можно назвать переименование некоторых специальностей на новые: «Техника и физика низких температур», «Автоматизация технологических процессов и производств», «Технология хлеба, кондитерских и макаронных изделий и пищевых концентратов», «Технология броидильных производств и виноделия», «Технология продукции общественного (массового) питания», «Технология хранения и переработки зерна».

1 декабря 1992 г. ректором института назначен к.т.н., профессор Евгений Иванович Чижик. В 1992 г. состоялся первый выпуск инженеров-химиков-технологов по специальности «Технологии переработки пластических масс и эластомеров». Институтом была получена лицензия на полиграфическую деятельность.

Могилевский технологический институт в 1993 г. – это вуз, на трех факультетах которого (технологическом, механико-технологическом и заочном) обучались почти 3000 студентов; работал факультет повышения квалификации работников пищевой промышленности; хозрасчетный факультет инженерно-экономической переподготовки. Институт готовил инженеров-технологов, инженеров-механиков и инженеров по автоматиза-

ции по 11 специальностям. Этим занимались 217 преподавателей, в том числе 10 профессоров и докторов наук, 93 кандидата наук.

В 1993 г. состоялся первый выпуск аспирантуры. Проведен первый квалификационный экзамен на получение рабочей профессии студентами специальности «Технология продукции общественного питания» [11].

С 1993 г. институт являлся наблюдательным членом международного общества по науке и технологии зерна со штаб-квартирой в Вене (Австрия). В 1994–1996 гг. МТИ участвовал в разработке европейского проекта, направленного на улучшение качества подготовки специалистов пищевого профиля. Было заключено двухстороннее соглашение о сотрудничестве с Мюнхенским техническим университетом.

В 1994 г. началась подготовка студентов по новым специализациям экономического профиля: «Бухгалтерский учет, анализ и аудит в агропромышленном комплексе», «Коммерческая деятельность и товароведение продовольственных товаров» и инженеров по специализации «Технология химических волокон». Состоялся первый выпуск инженеров-технологов по специализации «Технология мяса и мясных продуктов».

В 1995 г. начал работу специализированный Совет по защите кандидатских диссертаций. Состоялась первая защита диссертаций. Первыми защитились выпускники института И. М. Кирик и С. В. Акуленко. В 1996 г. открыт экономический факультет [11].

22–24 апреля 1997 г. в институте впервые была проведена Международная студенческая конференция по проблемам пищевой технологии и техники.

В 1999 г. состоялся первый выпуск по специальностям «Бухгалтерский учет, анализ и аудит», «Коммерческая деятельность».

В 2001 г. при МТИ утвердили специализированный Совет по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по специальностям: «Технология обработки, хранения и переработки злаковых, бобовых культур, крупяных продуктов, плодоовощной продукции и виноградарства», «Процессы и аппараты пищевых производств».

2002 г. – по результатам государственной аттестации вуз преобразован в Могилевский государственный университет продовольствия (МГУП).

В университете к 2003 г. сформировались научные школы, получившие признание не только в Республике Беларусь, но и за ее пределами. Это школы профессора, д.т.н., члена-корреспондента НАН Беларуси, заслуженного деятеля науки Республики Беларусь З. В. Василенко и д.т.н., профессора Г. И. Косминского (создание новых пищевых продуктов); профессоров, д.т.н. В. Я. Груданова и А. В. Иванова (создание новых видов теплового и механического оборудования для пищевой и перерабатывающей промышленности); профессора, д.т.н., действительного члена Нью-Йоркской Академии наук Б. Э. Геллера (технология натуральных и химических волокон); профессора, д.х.н. Г. Н. Роганова и профессора, д.т.н. Т. С. Хасаншина (термодинамика органических соединений); профессора, д.т.н., заслуженного изобретателя Республики Беларусь А. В. Акулича (гидродинамика и тепломассоперенос); профессора, д.х.н. О. Г. Поляченка (термодинамика галогенидов и координационных соединений редких и редкоземельных элементов) [11].

Весной 2003 г. ректором МГУП назначен Вячеслав Алексеевич Шаршунов – доктор технических наук, профессор, член-корреспондент НАН Беларуси.

В университете на 20 кафедрах работали 287 преподавателей, в том числе 14 докторов и профессоров, 89 доцентов. Из них шестеро являлись академиками и членами-корреспондентами Академии аграрных наук, Академии холода, Инженерной академии и др.

В сентябре 2003 г. был создан Институт повышения квалификации и переподготовки кадров. С апреля 2004 г. в университете стала издаваться газета «Водоворот событий». В ноябре 2004 г. в университете был создан факультет довузовской подготовки.

В 2005 г. начата совместная подготовка студентов с Академией управления при Президенте Республики Беларусь по специальности «Государственное управление и экономика». Открыт прием на заочную сокращенную форму обучения по 12 специальностям и специализациям механического, технологического и

экономического профиля. В университетском специализированном Совете по защите диссертаций состоялась первая защита докторской диссертации (В. А. Шуляк).

В следующем году издан первый выпуск научно-методического журнала «Вестник МГУП». Заключен договор о научно-техническом, учебно-методическом и культурном сотрудничестве между университетом и Пловдивским университетом пищевых технологий (Болгария).

В 2007 г. была открыта магистратура по восьми специальностям. В этом же году состоялся первый выпуск по специальности «Финансы и кредит» на экономическом факультете.

29 февраля 2008 г. выпускники и гости университета, во главе с министром образования чествовали студенческий и преподавательский коллектив университета в связи с его 35-летием. Во время празднования состоялась масштабная выставка научных работ, на которой все кафедры представили результаты своей научно-инновационной и научно-педагогической деятельности [11].

В 2008/2009 учебном году был осуществлен первый набор иностранных студентов. В октябре 2008 г. университету постановлением СМ Республики Беларусь передан спортивный комплекс ОАО «Химволокно», который включал стадион с футбольным полем, две игровые площадки, шесть теннисных кортов, манеж, гимнастический городок и хозяйственный блок.

2009 г. отмечен первым выпуском магистров. В следующем году МГУП удостоен Международного сертификата системы менеджмента качества белорусского и германского образца. Произошло знаменательное событие – стены университета покинул 20 000 выпускник! В том году вуз окончили 487 студентов дневной и 824 заочной формы обучения (всего со дня создания МТИ–МГУП было подготовлено 20 536 специалистов).

В 2011 г. открыта докторантура. В структуре Института повышения квалификации и переподготовки кадров создан центр дистанционного обучения. В следующем году образовали сектор по работе с иностранными гражданами. Осуществлен первый выпуск иностранных студентов по специальности «Финансы и кредит».

22–23 ноября 2012 г. в университете состоялась первая Международная научно-методическая конференция «Качество подготовки специалистов в техническом университете: проблемы, перспективы, инновационные подходы».

С 2008 по 2012 гг. за активное участие в научно-исследовательской деятельности 26 студентам университета назначалась стипендия Президента Республики Беларусь.

В 2014 г. Началась подготовка кадров по новым специальностям «Природоохранная деятельность» (2014 г.) и «Информационные системы и технологии» (2015 г.) [11].

29 сентября 2017 г. ректором МГУП назначен к.т.н., доцент Максим Александрович Киркор.

9 января 2018 г. в Белорусском государственном технологическом университете состоялось подписание Договора между Белорусским государственным технологическим университетом, Витебским технологическим университетом и Могилёвским государственным университетом продовольствия о создании единого республиканского учебно-научно-производственного технологического кластера.

24–25 мая 2018 г. кафедрой гуманитарных дисциплин университета была организована и проведена Международная научно-практическая конференция «Кадровая и антикоррупционная политика как факторы развития гражданского общества».

11 октября 2018 г. в рамках V форума регионов Беларуси и России на базе университета прошло заседание секции «Аграрная политика Союзного государства: опыт, проблемы, перспективы».

В 2020 г. была открыта новая специальность «Управление инновационными проектами в промышленности».

26 марта 2021 г. приказом Министра образования Республики Беларусь университет переименован в Белорусский государственный университет пищевых и химических технологий (БГУТ).

В период 2016–2021 гг. учеными университета было:

– создано 319 и освоено в производстве 190 новшеств. Это новые технологии и оборудование для пищевых производств и сферы общественного питания, новые виды волокон и пленок, новые экономические методики, программное обеспечение для

предприятий общественного питания, пищевого машиностроения и пищевой промышленности;

- подано 14 заявок на выдачу патентов на изобретения и полезные модели, в том числе 9 заявок на получение евразийского патента на изобретение. За этот же период получено 25 патентов, из них 8 евразийских патентов;

- издано 24 монографии;

- организовано и проведено 16 международных и 6 республиканских научных, научно-технических и научно-методических конференций.

Ученые университета приняли участие в 47 выставках, в том числе в 14 зарубежных, по итогам которых получено 4 золотых и 10 серебряных медалей, а также 19 дипломов.

В 2022 г. университет осуществлял подготовку кадров с высшим образованием по пяти профилям образования, 13 специальностям дневной и заочной форм получения образования, в том числе по 10 специальностям второй ступени высшего образования. БГУТ является головным учреждением высшего образования в разработке образовательных стандартов, учебных планов и программ, учебников и учебных пособий, электронных учебно-методических комплексов для специальностей пищевого профиля.

В настоящее время в университете работает 19 кафедр. Численность профессорско-преподавательского состава составляет 176 человек, из них 87 кандидатов и 8 докторов наук, в том числе два члена-корреспондента Национальной академии наук Беларуси.

Университет имеет договора о Международном сотрудничестве с рядом ведущих зарубежных университетов Азербайджана, Болгарии, Италии, Казахстана, Кыргызстана, Польши, России, Румынии, Украины.

Тесные дружеские и профессиональные отношения БГУТ поддерживает с Воронежским государственным университетом инженерных технологий. Так, с 5 по 9 декабря 2022 г. университет принимал ученых ВГУИТ Богданову Екатерину Викторовну – д.т.н., профессора кафедры технологии продуктов животного происхождения и Алахину Надежду Николаевну – д.т.н., профессора кафедры технологии хлебопекарного, кондитерского, макар-

ронного и зерноперерабатывающих производств. Они прочитали лекции студентам, магистрантам, аспирантам и преподавателям БГУТ [10].

Празднование 50-летия свидетельствует, что создание и деятельность университета – неотъемлемая часть истории трёх государств – СССР, БССР и Республики Беларусь. Достойное прошлое, деяния выпускников определяют славное будущее Белорусского государственного университета пищевых и химических технологий – первого и единственного пищевого вуза современной Беларуси.

Список литературы

1. Государственный архив Могилёвской области (ГАМог). – Ф. 513. Оп. 1. Д. 1.
2. ГАМог. – Ф. 513. Оп. 1. Д. 7.
3. ГАМог. – Ф. 513. Оп. 1. Д. 8.
4. ГАМог. – Ф. 513. Оп. 1. Д. 14.
5. ГАМог. – Ф. 513. Оп. 1. Д. 107.
6. ГАМог. – Ф. 513. Оп. 1. Д. 112.
7. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 7. Оп. 5. Д. 3792.
8. НАРБ. – Ф. 7. Оп. 5. Д. 4165.
9. НАРБ. – Ф. 7. Оп. 5. Д. 4553.
10. По программе «Приглашённый профессор» // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.bgut.by/news/po-programme-priglashennyu-professor>
11. Пушкин И. А. Исторический очерк создания и деятельности Могилёвского государственного университета продовольствия // 40 лет Могилёвскому государственному университету продовольствия. – Минск: Изд. центр БГУ, 2013. – С. 6–71.

УДК 316.75

Станислав Игоревич Сулимов,

д-р. филос. наук, доцент

Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия

sta-sulimov@ya.ru

ПОНИМАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГИБЕЛИ В КОНЦЕПЦИИ ДЖ. ВИКО

Аннотация. *Данная работа посвящена анализу понимания социальной деградации итальянским философом Дж. Вико (1668–1744). В контексте ритма исторического развития, указанного мыслителем, упадок общества и последующее возрождение выглядят закономерными и необходимыми этапами, что в свете исторических фактов вовсе не кажется бесспорным.*

Ключевые слова: *философия истории, исторический процесс, социально-политический кризис, социальная деградация, варваризация.*

Stanislav Igorevich Sulimov,

Doctor of Philosophy, Associate Professor

Voronezh State University, Voronezh, Russia

sta-sulimov@ya.ru

UNDERSTANDING HISTORICAL DEATH IN THE CONCEPT OF J. VICO

Summary. *This work is devoted to the analysis of the understanding of social degradation by the Italian philosophy of G. Vico (1668–1744). In the context of the rhythm of historical development indicated by the thinker, the decline of society and the subsequent revival look like natural and necessary stages, which, in the light of historical facts, does not at all seem indisputable.*

Keywords: *philosophy of history, historical process, socio-political crisis, social degradation, barbarization.*

Среди различных подходов к динамике общественного развития важное место занимают циклические модели, подразумевающие, что все общества проходят одни и те же исторические этапы, суть которых остаётся неизменной, а внешние черты обусловлены конкретной спецификой. Например, каждое общество зарождается в конкретных исторических условиях, но в любой

ситуации от людей требуется нарушить равновесное сосуществование с природой и пойти по пути преодоления устоявшегося образа жизни для того, чтобы зарождение оригинальной культуры состоялось. В XIX–XX вв. на данных позициях стояли такие отечественные и зарубежные исследователи как Н. Я. Данилевский, К. Н. Леонтьев, О. Шпенглер, А. Дж. Тойнби и С. Хантингтон, однако циклический подход к исторической динамике возник гораздо раньше. Одним из его самых первых представителей является итальянский мыслитель Джамбаттиста Вико (1668–1744). Свои идеи он выразил в книге «Основания новой науки об общей природе наций» (1725). Дж. Вико выделял в гармоничном развитии любого общества несколько стадий, из которых нам кажется самой важной последняя – упадочная. Ведь для исследователей античности, восточной и американской древности нередко оказывается достижимым ответ на вопрос о том, что привело к гибели технически и экономически развитые цивилизации. При этом Дж. Вико может считаться первым мыслителем, который пытался разработать ритм цивилизационного упадка, и поэтому для нас немаловажно познакомиться с его взглядами на данный вопрос. Ведь итальянский философ был первым, кто затронул данную тематику, и поэтому не мог находиться под влиянием какой-нибудь устоявшейся социально-философской традиции.

Историческую жизнь общества, проходящую от первобытной дикости до последнего одичания Дж. Вико делит на три условных периода: век богов – век героев – век людей. На заре «века богов» большинство людей ведёт первобытный образ жизни, группируясь в лесах и не зная ни чётких законов, ни развитой религии. Лишь самые смелые и мудрые из них покидают леса и переходят к земледелию. В их среде складывается некое подобие монархии, напоминающую разветвлённую семью, легитимность которой базируется на праве первопроходцев владеть освоенными землями. Этот исход имеет два важных последствия: у новаторов возникает религия как основа права [1, с. 113], а у оставшихся в лесах «традиционалистов» исчезает прежний устоявшийся порядок отношений, поскольку из их среды оказались как бы изъяты все самые мудрые и деятельные представители. Поэтому лесные дикари вынуждены последовать примеру земле-

дельцев и перейти на распаханную землю в качестве клиентов и крепостных. Так начинается «век героев», в ходе которого сначала образуют аристократические семейства, предками которых были первые переселенцы, а затем первая, патриархальная монархия уступает место аристократической республике. Но вчерашние клиенты, которых мыслитель красноречиво называет плебеями, стремятся к равноправию с аристократами и однажды им удаётся достичь своей цели. Происходит переход к «веку людей», в ходе которого аристократические республики превращаются в демократические, а вскоре начинаются и гражданские войны между равноправными, а потому и не желающими друг другу уступать плебейскими лидерами. Завершается «век людей» гражданской, то есть секулярной монархией, венценосец в которой может быть наследственным или выборным, но при любых обстоятельствах его власть не имеет сакрального характера. После этого жизнь в обществе как бы костенеет и длится по установленным законом и традицией образцам до того, как общество постигнет гибель.

Но что же является причиной исторической гибели? Почему гражданская монархия не подвергается никаким реформам или не поддерживает своё функционирование каким-нибудь испытанным способом? Итальянский мыслитель полагает, что всему виной юридическое равноправие, из-за которого власть может принадлежать любому гражданину, и любой гражданин потенциально готов побороться за неё. В условиях абсолютизма гражданские добродетели угасают как невостребованные, зато амбиции, подогреваемые формальным эгалитаризмом, толкают граждан на крайне эгоистичные поступки. Можно предположить, что весь арсенал достижений цивилизации оказывается поставлен на службу капризному индивиду в борьбе против других, не менее своенравных индивидов. Последние монархи отличаются от подданных лишь количеством возможностей для осуществления своих сиюминутных желаний, но они столь же эгоистичны, непоследовательны и безответственны, как и их подданные. Дж. Вико полагал, что для такого общества варварское нашествие стало бы благом, потому что варвары удивятся техническим и правовым достижениям умирающей цивилизации и попытаются сохранить

или реанимировать их. Иначе же остаётся надеяться, что в угасающем обществе найдутся хотя бы редкие носители прежних добродетелей, которые смогут начать историю общества с самого раннего этапа вновь. Вот как итальянский философ описывает такое возрождение на руинах: «При небольшом количестве оставшихся, в конце концов, людей и при множестве необходимых для жизни вещей, они естественным путём становятся опять сносными; а раз снова воз-вращается первоначальная простота первого Мира, то они становятся религиозными, правдивыми и верными; таким образом, среди них снова появляются благочестие, вера, истина – естественные основания справедливости, благодати и красоты вечного порядка от Бога» [1, с. 470].

Важно, что Дж. Вико полагал общественное развитие именно цикличным, то есть никогда не завершающимся. После своей исторической смерти цивилизация может через некоторое время воскреснуть и пройти весь путь заново. В XX в. этой точки зрения придерживался немецкий исследователь О. Шпенглер, полагавший, что городское общество неминуемо приходит к духовному и социальному разложению, но декаданс обязательно пробуждает деятельное стремление вернуть прежние, героические времена: «Народ устаёт от денежной экономики вплоть до отвращения. Все ждут избавления откуда-нибудь, честности и рыцарства, внутренней аристократичности, самоотверженности и долга. И тут наступает время, в глубине которого вновь просыпаются никак не оформленные силы крови, вытесненные рационализмом больших городов» [2, с. 593].

Рассмотрев учение Дж. Вико о деградации и распаде цивилизаций, мы вынуждены признать, что суть данного процесса мыслитель буквально угадал. Однако историческая практика доказывает, что погибшие общества если и возрождаются, то уже как прозелиты инородных культур и спутники чужих цивилизаций.

Список литературы

1. Вико Дж. Основания новой науки об общей природе наций. – М.: REFL-book, 1994. – 656 с.

2. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. В 2 т. – Минск: Поппури, 2009. – Т. 2. Всемирно–исторические перспективы. – 704 с.

УДК 304(9)

**Геннадий Дмитриевич Сысоев,
канд. филос. наук, доцент**

Воронежский государственный педагогический университет,
Воронеж, Россия
gsysoev@bk.ru

**Виктория Александровна Колягина,
студентка**

Воронежский государственный педагогический университет, Воронеж, Россия
kolyagina.vika@list.ru

ФЕНОМЕН ЛЮБВИ В РАБОТЕ В. С. СОЛОВЬЕВА «СМЫСЛ ЛЮБВИ»

***Аннотация.** В статье дано определение любви, рассмотрены основные теоретические аспекты феномена любви в произведении В. С. Соловьева «Смысл любви», раскрыто понятие метафизики и выделены метафизические основания любви. Выделены основные аспекты любви и их особенности по В.С. Соловьеву, перечислены основные элементы любви. Раскрыта сущность духовной телесности как важнейшей задачи любви. Подробно рассмотрена любовь между мужчиной и женщиной, а также другие виды любви. В заключение сделан вывод о значении данного чувства в жизни человека и многоаспектности любви как предмета исследования для философов.*

***Ключевые слова:** Любовь, полая любовь, философия всеединства, трансцендирование, андрогинизм, духовная телесность, богочеловечность, В. С. Соловьев.*

**Gennadiy Dmitrievich Sysoev,
Candidate of Philosophy, Associate Professor**
Voronezh State Pedagogical University, Voronezh, Russia
gsysoev@bk.ru

**Victoriya Alexandrovna Kolyagina,
A Student**

Voronezh State Pedagogical University, Voronezh, Russia
kolyagina.vika@list.ru

THE PHENOMENON OF LOVE IN THE WORK OF V. S. SOLOVYOV «THE MEANING OF LOVE»

Summary. *The article defines love, examines the main theoretical aspects of the phenomenon of love in the work of V. S. Solovyov «The Meaning of Love», reveals the concept of metaphysics and highlights the metaphysical foundations of love. The main aspects of love and their features according to V. S. Solovyov are highlighted, the main elements of love are listed. The essence of spiritual corporeality as the most important task of love is revealed. The love between a man and a woman, as well as other types of love, is considered in detail. In conclusion, the conclusion is made about the significance of this feeling in human life and the multidimensional nature of love as a subject of research for philosophers.*

Keywords: *Love, sexual love, the philosophy of unity, transcendence, androgyny, spiritual physicality, God-humanity, V. S. Solovyov.*

Среди многочисленных феноменов человеческого существования особое место занимает любовь. От её наличия или отсутствия в нашей жизни напрямую зависят не только такие понятия, как «счастье», «долг», «свобода», «ответственность», но и полное их осмысление и реализация. Любовь объединяет людей в их стремлениях, мечтах, целях, придает жизни смысл, красоту, насыщенность и глубину. Согласно философскому энциклопедическому словарю, любовь – интимное и глубокое чувство, устремленность на другую личность, человеческую общность или идею [4, с. 785]. В современном мире распространено множество убеждений о том, как возникает любовь, существует ли она вообще, как долго она длится и в чем она проявляется. Любовь выделяется на фоне других нравственных чувств и несомненно привлекает внимание многих мыслителей, стремящихся познать любовь и её сущность. Особую привлекательность составила работа русского философа, религиозного мыслителя и поэта В. С. Соловьева «Смысл любви».

В данной статье предпринята попытка рассмотреть феномен любви как способа человеческого существования с позиций понимания смысла любви, её видов, особенностей её проявления и факторов влияния на формирование этого чувства на основе произведения В. С. Соловьева «Смысл любви».

В. С. Соловьев (1853–1900) – создатель философии русского всеединства – внес значительный вклад в развитие философ-

ской науки в России. В рамках философии всеединства он выстраивал свою концепцию любви, подробно описанную в труде «Смысл любви».

В. С. Соловьев рассматривает любовь как особенность переходить за границы своего фактического феноменального бытия, жить не только в себе, но и в другом; способность включать себя в бытие другого. Перенос центра жизни из себя в другого, как преодоление эгоистического самоутверждения за счет трансцендирования в другого есть общее свойство любой любви. Философский замысел В. С. Соловьева состоял в том, чтобы дать оправдание любви как естественному чувству. В качестве оправдания он отмечает, что единственная естественная любовь, обладающая одновременно сверхъестественным характером – половая любовь. «Соловьев мыслил любовь (половую) как нечто большее, а именно реинтеграцию, единство мужского и женского. Для любви свойственно стремление к “обожению” человека или даже наделение его бессмертием» [3, с. 83].

Дальнейшее изложение концепции любви у В. С. Соловьева будет представлять собой последовательное развитие определений андрогинизма. В совокупности эти три аспекта любви представляют собой три типа воссоединения разрозненного: андрогинизм предполагает восстановление единства мужского и женского начал, духовная телесность – преодоление разделения между телом и духом, наконец, богочеловечность предполагает устранение разрыва между Богом и человеком [1, с. 48]. Но мы не будем анализировать любовь между мужчиной и женщиной с религиозной точки зрения, чему посвящено достаточно места в работе В.С. Соловьева, а рассмотрим только с позиции философии.

Главнейшей задачей любви, по мнению В. С. Соловьева, является достижение духовной телесности. Придать любимому существу безусловное значение можно, согласно автору, только полагая его существующим в идеальном измерении. К пониманию смысла любви В. С. Соловьев приходит, начиная с соединения низшего (земного) и высшего (идеального) миров. Отличие между мирами проходит не по линии телесности/духовности, а по линии материальности/имматериальности, а именно: в идеальном мире нет той материи, которая делает тело непроницаемым,

косным, отталкивающим. В соотношении миров главным является соотношение телесной и духовной природ одного и того же организма. Духовная телесность в идеальном мире отличается от телесности в земном мире. Любовь понимается как чувство, универсальная космическая сила, которая достигается в процессе преодоления разделения между телом и душой [2, с. 66]. В таком случае данное чувство становится гораздо выше, чем просто особые отношения между мужчиной и женщиной, которые в такой интерпретации становятся лишь одним из видов данного феномена.

Что касательно В. С. Соловьева, то он уделяет внимание не только наличия связи половой связи и любви, но и преодолению эгоизма, превознесения его в жертву ради светлого чувства. Два различные, но равноправные и равноценные существа дополняют и восполняют друг друга, жертвуя ради партнера всем: «Как для половой любви (в сфере личной жизни) единичное "другое" есть вместе с тем все, так с своей стороны социальное все, в силу положительной солидарности всех своих элементов, должно для каждого из них являться как действительное единство, как бы другое, восполняющее его живое существо» [3, с. 263]. Таким образом, В. С. Соловьев смысл любви видит в спасении от эгоизма. Он говорит о любви не только как пути спасения от чего-то в результате единения с другим человеком, но и как о стремлении к бессмертию. Ведь, по его мнению, любовь порождает жизнь, а порождать жизнь – значит преодолевать смерть, стремиться к бессмертию. В. С. Соловьев рассматривают любовь как антропологический феномен, единственное и верное средство разрешения проблемы существования и бытия человека. Следовательно, он определяет задачу преображения человечества как путь к бессмертию, который и есть половая любовь.

В. С. Соловьев различает 3 вида любви:

- нисходящая любовь, когда любящий дает больше, чем получает (например, родительская любовь);
- восходящая любовь, когда любящий больше получает, чем может дать (любовь детей к родителям);
- любовь, когда и то, и другое находятся на равной степени (половая любовь) [1, с. 50].

В. С. Соловьев утверждал, что родительская – особенно материнская – приближается к сексуальной любви, но она не может иметь значения, равного человеческой индивидуальности. Но тут, как можно предположить, есть различия касательно отцовской любви. В. С. Соловьев не разделяет материнскую и отцовскую любовь, он говорит только о том, что материнская любовь ярче в форме самопожертвования. Он также рассматривал любовь как средство воздействия высших сил (мировую материю, Бога) для создания гения или сверхчеловека. В результате автор приходит к выводу, что смысл любви заключается в том, чтобы полностью изменить мир. Он пишет, что чувство любви есть высшее эмоциональное выражение человеческой природы [3, с. 121].

В своей работе В. С. Соловьев подробно рассмотрел любовь между мужчиной и женщиной с религиозно-философской точки зрения. Прежде всего, он опроверг взгляд на половую любовь только как на средство размножения. В. С. Соловьев так или иначе связывал половую жизнь с любовью. Перенос центра личной жизни в другого человека (трансцендирование) дает характеристику всей любви, но сексуальная и супружеская любовь велика: только эта любовь, по мнению автора, способна привести к реальному и неконтролируемому слиянию двух жизней в одну [2, с. 68]. Таким образом, в образе любви философ выделяет её чувственную составляющую, т. е. эрос, утверждая, что именно половая любовь соответствует главной цели его теории всеединства и преображения – упразднению «самости в полном жизненном общении с другими». Но не следует на термин «половая любовь» накладывать большой смысл: автор отмечал, что он использовал данное словосочетание за неимением термина более подходящего.

Итак, предложенный В. С. Соловьевым путь преображения человека и мира целиком базируется на императиве половой любви, которая имеет особое онтологическое и гносеологическое значение, так как она не просто один из человеческих душевных аффектов, а сущее, посылаемое человеку свыше от Абсолюта. Чувственный эрос есть сила духовно-телесного творчества, обращенного внутрь самого носителя этой эротической энергии, благодаря ей преобразуется естество человека и рождается Богочеловек, которому доступен высший уровень бытия – всеединст-

во, а значит бессмертие. Главная мысль заключается в следующем: для каждого любовь имеет своё значение, но является одним из главных смыслов жизни человека и ведет к духовному развитию человека и всего человечества в целом.

Список литературы

1. Бужор Е. С. Смысл любви в философии всеединства Владимира Соловьёва // Общество: философия, история, культура – 2017. – № 4. – С. 45–52.
2. Козырев А. П. Смысл любви в философии Владимира Соловьёва и гностические параллели // Вопросы философии. – 1995. – № 7. – С. 59–78.
3. Соловьёв В. С. Смысл любви: Избр. произведения: [Стихи, письма, филос. эссе. – М.: Современник, 1991. – 524 с.
4. Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л. Ф. Ильичёва, П. Н. Федосеева, С. М. Ковалёва, В. Г. Панова. – М.: Сов. энциклопедия, 1989. – 839 с.

УДК 140.8

Игорь Васильевич Черниговских,

канд. филос. наук, доцент

Воронежский государственный университет инженерных технологий,

Воронеж, Россия

igrchernigovskix@rambler.ru

СТРУКТУРНЫЙ АНАЛИЗ ОБЩЕСТВА: ИНФОРМАЦИОННО-СИМВОЛИЧЕСКАЯ ПОДСИСТЕМА

Аннотация. *Статья посвящена анализу информационно-символической подсистемы. Автор считает, что данный термин более точно отражает задачу и результат данной подсистемы, чем понятие «духовная». Автор рассматривает ситуацию доминирования информационно-символической подсистемы с структуре общества.*

Ключевые слова: *доминирующая подсистема, духовная подсистема, информационно-символическая подсистема, материально-производственная подсистема.*

Igor Vasiljevich Chernigovskikh,
Candidate of Philosophy, Associate Professor
Voronezh State University of Engineering Technologies, Voronezh, Russia
igrchernigovskix@rambler.ru

STRUCTURAL ANALYSIS OF SOCIETY: INFORMATIONAL AND SYMBOLIC SUBSYSTEM

Summary. *The article is devoted to the analysis of the information and symbolic subsystem. The author believes that this term more accurately reflects the task and result of this subsystem than the concept of «spiritual». The author considers the situation of dominance of the information-symbolic subsystem in the structure of society.*

Keywords: *dominant subsystem, spiritual subsystem, informational and emblematic subsystem, material and production subsystem.*

Рассматривая общество как систему, мы неизбежно сталкиваемся с проблемой выделения соответствующих структурных элементов. Одним из вариантов структурирования общества является выделение сфер его жизни. В данном случае понятием «сфера» фиксируется некоторая идентичность, некоторое единообразие структурных элементов общественного организма. Тем самым создаются новые возможности понимания и структуры общества, состоящего не просто из разнокачественных, неповторимо своеобразных компонентов, но из общих, единых, в каком-то смысле одинаковых. При этом следует подчеркнуть, что пока еще нет общепринятого, теоретически развернутого определения понятия «сфера общественной жизни». Конечно, это не означает, что вообще нет общности в понимании данного понятия. Все исследователи под сферой общественной жизни понимают элемент общества, его часть, объективно существующую, как-то структурно оформленную, связанную с другими сферами, с обществом в целом.

Нам представляется, что использование в данном контексте понятия «сфера» не совсем удачно. Само слово «сфера», как известно, означает в геометрии «замкнутую поверхность, все точки которой одинаково удалены от центра». В данном смысле оно невольно наводит на мысль об обособленности этих частей обще-

ства, хотя они неразрывно связаны. Поэтому, наиболее подходящим для целей нашего исследования мы считаем понятие «подсистема».

Одной из основных сфер или подсистем общества является духовная. Наиболее распространенным толкованием содержания духовной подсистемы является понимание ее как отношений людей по поводу различных духовных ценностей: их создания, распространения и усвоения всеми слоями общества. Однако результатом деятельности людей в рамках этой подсистемы может быть не только духовный продукт, т. е. духовные ценности, способствующие развитию человека и общества, но и псевдодуховный и даже антидуховный продукт, т. е. антиценности (например, реакционные идеи, пошлые вкусы, низменные идеалы и т. п.), потребление которых разрушает человека и общество. Поэтому употребление понятия «духовная подсистема» может породить следующий оксюморон: «Антидуховный продукт духовной подсистемы». Таким образом, духовность (как процесс и результат) не исчерпывает все содержание данной подсистемы, а является, скорее всего, той идеальной целью, к которой эта подсистема должна стремиться: «духовное есть особый, высший результат материальной, общественно-исторической практики людей» [4, с. 131].

Человек в процессе своей жизнедеятельности нуждается не только в материальных образованиях, но и в информации об окружающем мире. Именно удовлетворение этой потребности приводит к возникновению отдельной подсистемы, которая обеспечивает получение и накопление информации, необходимой для обеспечения жизнедеятельности людей, и закрепляет ее в знаково-символической форме. Такой формой может быть миф, религиозное учение, научная теория, художественный образ и др. Поэтому автор предлагает называть данную подсистему информационно-символической.

Признание системного характера общества позволяет говорить об известном равенстве всех ее элементов в процессе функционирования. Это равенство состоит, разумеется, не в том, что их функции и роль в системе одинаковы, а в том, что все они равно необходимы для ее существования в качестве целого и в этом смысле они тождественны. Однако не все входящие в ее со-

став элементы играют, как правило, одинаковую роль. Эта роль может быть связана с положением детерминирующей подсистемы и/или доминирующей подсистемы.

Стремление к доминированию связано с тем, что каждая из подсистем имеет свои средства (инструментальные по отношению к системе как целому) для реализации своей системной функции. Так, для информационно-символической подсистемы таким средством, по мнению автора, выступает контроль над информацией.

В данной статье мы рассмотрим те процессы, которые происходят в обществе, где роль доминирующей играет информационно-символическая подсистема.

Доминирование информационно-символической подсистемы связано с формированием определенной картины мира, где ценность мирского благополучия оказывается подчиненной, вторичной, а иногда и вообще несущественной по сравнению с ценностями немирского существования. П. А. Сорокин определяет такое состояние как идеациональный тип культуры.

По мнению А. Б. Зубова о доминировании той или иной подсистемы свидетельствует характер распределения в обществе прибавочного продукта. Та сфера, куда он главным образом направляется, и является доминирующей в данном обществе. В предгосударственную эпоху развитого неолита, в частности мегалита, 3/4–4/5 чистого трудового ресурса общества уходило на создание культовых, в первую очередь заупокойных, сооружений, а остальное время – фактически на поддержание себя в состоянии их строить из рода в род (пища, жилище, воспитание детей, забота о стариках).

При переходе к государственности принцип существенного превалирования религиозных, главным образом заупокойных, трат над посюсторонними и профанными полностью сохраняется – египетские пирамиды, гробницы и храмы, шахтные гробницы и зиккураты Шумера, шанские захоронения (аньянские комплексы) в Китае.

Таким образом, анализ ритуальных, в первую очередь заупокойных, систем доисторических обществ обнаруживает преимущественное приложение сил именно в этой «непроизводи-

тельной» сфере. Человек стремился не к богатству «здесь», но к богатству «там», на небесах. Именно стремлением полнее реализовать эту жажду к спасению можно объяснить усложнение ритуала и все большую трудоемкость ритуальных сооружений, которые требовали аккумуляирования трудовых ресурсов и диверсификации труда [3, с. 5–6].

В рамках мифической и религиозной картины мира человек и общество рассматривались не как самостоятельные явления, а как часть более широкой системы, которая включала в себя окружающую природу и обозримый космос, которые воспринимались как специфический «сверхчеловеческий, божественный» мир. Социальные процессы подчинялись, прежде всего, порядку этого мира. Поэтому управление обществом воспринималось как реализация этого порядка на уровне человеческого общества, а правитель рассматривался как носитель идеи этого порядка, выполняющий мироустроительную функцию в качестве участника космологического действия. В частности, египетский фараон рассматривался как бог, действующий на благо египетского государства. Он обеспечивал Египту «часы и времена года, обильные воды и богатый урожай» [2, с. 106.]. За этим следил его «отец» – бог солнца Ра. В христианстве существовал идеал «христианского претворения государственности силою церковности» [1, с. 224], а христианские цари рассматривались как «водители ко Христу своих народов» [1, с. 220].

В XV-XVII вв. в Западной Европе проходят процессы, которые приводят к победе политической подсистемы в этом противостоянии и подчинении ей информационно-символической подсистемы. Одним из проявлений этого стало Аугсбургское соглашение 1555 г., согласно которому каждый правитель сам определял вероисповедание в своих владениях. Позднее это положение трансформировалось в принцип *cujus regio, eius religio* (лат. «чья страна, того и вера»).

Доминирование политической подсистемы приводит к тому, что создаваемый в информационно-символической подсистеме продукт, т. е. картина мира, отражает существующую реальность с точки зрения политически властной группы. В результате информационно-символическая подсистема приобретает идеоло-

гический характер. Соответственно, существование нескольких групп, ведущих борьбу за власть, приводит к формированию разных идеологий.

По мнению некоторых исследователей, в постиндустриальном обществе информационно-символическая подсистема вновь станет доминирующей, т. к. основным классом станет «класс интеллектуалов», а власть будет принадлежать «меритократии» (т. е. «интеллектуальной элите»). Проблема заключается в том, будет ли это состояние доминирования отличаться от предыдущего не только количественными параметрами, но и качественно.

Список литературы

1. Булгаков С. Н. Православие. Очерки учения православной церкви. – Минск: Издательство Белорусского Экзархата, 2011. – 560 с.
2. В преддверии философии. Духовные искания древнего человека / Г. Франкфорт, Г. А. Франкфорт, Дж. Уилсон, Т. Якобсен. – СПб.: Амфора, 2001. – 314 с.
3. Зубов А. Б. Сотериологическая модель генезиса государственности // Восток. – 1993. – № 6. – С. 5–8.
4. Философский словарь / Под ред. И. Г. Фролова. – М.: Политиздат, 1991. – 506 с.

УДК 291.1

Владимир Дмитриевич Черных,
канд. истор. наук, доцент

Воронежский государственный университет инженерных технологий,
Воронеж, Россия
vbr2010@bk.ru

ИДЕИ ИСИХАЗМА И ИХ ПРОЯВЛЕНИЯ В РУССКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ МЫСЛИ

Аннотация. В статье рассматривается формирование понятия исихазма в христианстве и его роль в формировании русского монашества. Указываются на факторы, способствовавшие проникновению идей Востока и Запада в русскую религиозную среду и приведшие к понятию социального исихазма на Руси. Особое внимание уделяется изучению особенностей воззрений отдельных подвижников в осмыслении ими идей исихазма.

Ключевые слова: *Русская церковь, русский исихазм, нестяжательство, преп. Сергей Радонежский, преп. Нил Сорский, преп. Максим Грек.*

Vladimir Dmitrievich Chernykh,
Candidate of History Science, Associate Professor
Voronezh State University of Engineering Technologies, Voronezh, Russia
vbr2010@bk.ru

THE IDEAS OF HESYCHASM AND THEIR MANIFESTATIONS IN RUSSIAN RELIGIOUS THOUGHT

Summary. *The article discusses the formation of the concept of hesychasm in Christianity and its role in the formation of Russian monasticism. The author points out the factors that contributed to the penetration of the ideas of the East and West into the Russian religious environment and led to the concept of social hesychasm in Russia. Special attention is paid to the study of the peculiarities of the views of individual ascetics in their understanding of the ideas of hesychasm.*

Keywords: *Russian Church, Russian Hesychasm, non-possessiveness, Rev. Sergius of Radonezh, Rev. Nil Sorsky, Rev. Maxim the Greek.*

Восприняв систему религиозных взглядов, пришедших после принятия христианства из Византии, русская религиозная мысль переосмысливала полученное наследство и вырабатывало собственное религиозное мировоззрение. Одним из важных аспектов, органично воспринятых русской религиозной мыслью, явилась исихастская традиция Византии и Афона. К теме исихазма теме неоднократно обращались как богословы, так и историки и философы.

Исихазм (от греч – спокойствие, покой, освобождение, прекращение, тишина, молчание, мир, уединение) возникает в среде монашества в IV в., а системно оформляется в VI в. и связывается прежде всего с именами основоположников египетского монашества – преподобными Антонием Великим, Макарием Великим и Евагрием Понтийским. Впоследствии систему исихазма как практику умной сердечной молитвы оформил и переосмыслил святитель Григорий Палама. Но помимо этой аскетической практики, исихазм предполагал систему устоев и правил, которые формировали христианское монашество.

Первые века христианской общине приходилось выживать во враждебном рисковом континууме и поэтому жертвенность и полная отдача сил и отчасти благосостояния и самой жизни были обыденностью для представителей христианских общин. Однако с периода, когда христианство стало государственной религией Римской империи, идея повседневного мученичества и выживания отошла на второй план. В среде христиан только часть продолжает тяготеть к полной отдаче всех материальных благ и душевных сил для достижения цели христианской жизни. Для этого члены общины хотели сохранить ее в том образе, который она должна иметь до Пришествия Господня, – образа «жены, бежавшей в пустыню» [5, с. 281]. Общество, в начале преследовало христиан, затем уже призывало, но теперь они сами стремились уйти из него. Христианская идея монашества как раз и возникает как стремление ухода от общественных отношений и системы отношений. И принципы монашества становятся идеалом если не для исполнения, то для образца поведения и вершины стремления для всего христианства. Большое значение в истории философии имеют споры о философии Платона и Аристотеля, тем более что уважение к этим именам было весьма велико. Более того, аристотелевское учение было переработано преп. Иоанном Домаскиным, который являлся апологетом исихазма. Тогда исихазм начинал обозначать общее понимание смысла общественной и личной жизни человека.

Богословская мысль выделяет в исихазме несколько различных направлений, причем одно из них касается так называемого деятельного исихазма, т. е. социальной составляющей монастырской жизни. Такая трансформация связана с гуманистическими началами, которые присуще не только западной, но и греческой Церкви, поскольку греческая церковь к этому времени имела множественные связи с Западом. Как отмечал В. С. Иконников, все наиболее выдающиеся по своей учености деятели греческой иерархии, как М. Пигас, Кирилл Лукарис, Н. Спафарий, учились за границей в западных школах и университетах [2, с. 106]. При этом вполне вероятным представляется взаимное проникновение идей и образов между Западом и Востоком.

На наш взгляд идеи исихазма были изначально приняты древнерусским мышлением оформившемся в систему взглядов христианства. Великая мечта о царстве свободы, святости и милосердия звала русского человека на страдания и лишения ради будущего счастья. Это то, что препятствовало русской святости ограничиться обычным исполнением общих нравственных установок и выведения религии с центра на периферию бытия человека.

Исихастский период русской духовной культуры был периодом усиленного создания и быстрого распространения монастырей, основанных учениками или учениками учеников преп. Сергия Радонежского. Именно исихазм был определяющей системой взглядов для преп. Сергия Радонежского и его учеников, которые внедряли общежительный устав в северные русские монастыри в XIV–XV вв. Духовным последователем преп. Сергия являлся преп. Нил Сорский, применивший идею русского деятельного исихазма в социальной жизни обители и общества в целом. Безусловно в этом Нилу помог его духовный опыт, полученный им на Востоке, в частности на Афоне. Пример им основанного скита явился показательным в понимании русского деятельного исихазма, которое стало по его отношению к церковной собственности называться нестяжанием. Преп. Нил Сорский был убежден, что любая привязанность к земному препятствует свободе монаха и останавливает его духовный рост.

В XV в. подобные подходы стали ведущими в деятельности и мировоззрении еще одного святого подвижника, оказавшего большое значение на развитие русской богословской мысли, — преп. Максима Грека. Этот выдающийся греческий богослов, ученый, переводчик и публицист, оказал значительное влияние на развитие идей деятельного исихазма на Руси. Как признавал церковный историк, сочинения преп. Максима превосходили всех современных ему русских писателей и грамотеев если не обширностью, то основательностью своих познаний, которые приобрёл он через чтение подлинников [3]. Во всяком нравственном нестроении преподобный видит несоответствие замыслу Создателя, умное делание исихазма связывает с нравственным настроением человека. Это убеждение находит свое отражение во всех его суждениях относительно спора иосифлян и стяжателей, нравствен-

ной составляющей монашеской жизни, аскетических сочинений и т. д. [6, с. 160–162]. Даже в таком, казалось бы, сугубо богословском аспекте как опровержение колдовства и волхований можно видеть связь воззрений этого святого с учением внутреннего совершенствования и духовного идеала [4, с. 155]. Все его внимание сосредоточено на идеальной первосущности вещей, он пытается «мысленным оком» увидеть «первообразную красоту» созданного мира и идеал жизни человека, который им видится в обожении человека [1, с. 23].

Византийская богословская мысль с одной стороны восприняв философские постулаты Платона, с другой стороны усвоившая идеи Первого Рима, выработала идеи исихазма, которые будучи трансформированы в русскую самобытную культурную мысль дали основание социальному направлению исихазма, который получил обозначение деятельного. Это установка, не требуя от человека исключительно монашеского пути, как безусловного условия спасения, тем не менее, предъявлял довольно объемные требования к индивидууму. В частности, он давал ориентацию на не только исполнение внешних требований предписаний христианства, но и нравственного совершенствования, проявляемого в деятельности для людей и общества.

Список литературы

1. Громов М. Н. Философско-антропологические воззрения Максима Грека // Вестник славянских культур. – 2010. – № 3 (XVII). – С. 21–35.
2. Иконников В. С. Собрание исторических трудов. – Киев: Тип. Имп. ун-та св. Владимира, 1915. – Т. 1. Максим Грек и его время. Ист. исследование. – 640 с.
3. Макарий (Булгаков М. П.) митр. Литературные труды Максима Грека // Христианское чтение. – 1872. – № 4. – С. 603–647.
4. Максим Грек, прп. Сочинения. – М.: Издательство Рукописные памятники Древней Руси, 2014. – Т. 2. – 432 с.
5. Мейендорф И. История Церкви и восточно-христианская мистика. – М.: Институт ДИ-ДИК, 2000. – 576 с.
6. Сеницына Н. В. Максим Грек в России. – М., Наука, 1977. – 332 с.

УДК 291.1

Сергей Федорович Шатилов,

канд. филос. наук, доцент

Военный учебно-научный центр военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина»,

Воронеж, Россия

sshatilov@yandex.ru

Кирилл Александрович Морозов,

курсант

Военный учебно-научный центр военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина»,

Воронеж, Россия

ИДЕОЛОГИЯ ОБМАНА: ПАРАДОКСЫ ГЕНДЕРНОГО МЕЙНСТРИМИНГА

***Аннотация.** Статья посвящена анализу проблем гендерной революции в США и странах Евросоюза. Авторы рассматривают причины и истоки формирования гендерной идеологии на Западе, ее философские основания, трансформацию понятия пола и его замену гендером. Вскрываются идеологические и политические условия, обеспечивающие распространение гендерного мейнстриминга в общественном и культурном пространстве Запада, его катастрофические последствия для человечества.*

***Ключевые слова:** антропологическая катастрофа, гендерная революция, гендерная идеология, пол, гендер, гендерный мейнстриминг, глобализация.*

Sergey Fedorovich Shatilov,

Candidate of Philosophy, Associate Professor

Air Force Academy named after professor N. E. Zhukovsky and Y. A. Gagarin,

Voronezh, Russia

sshatilov@yandex.ru

Kirill Aleksandrovich Morozov,

Cadet

Air Force Academy named after professor N. E. Zhukovsky and Y. A. Gagarin,

Voronezh, Russia

IDEOLOGY OF DECEIVATION: PARADOXES OF GENDER MAINSTREAMING

Summary. *The article is devoted to the analysis of the problems of the gender revolution in the USA and EU countries. The authors consider the causes and origins of the formation of gender ideology in the West, its philosophical foundations, the transformation of the concept of sex and its replacement by gender. The ideological and political conditions are revealed that ensure the spread of gender mainstreaming in the public and cultural space of the West, its catastrophic consequences for humanity.*

Keywords: *anthropological catastrophe, gender revolution, gender ideology, sex, gender, gender mainstreaming, globalization.*

Пребывание человечества на планете Земля в XXI в. отмечено наличием целого ряда проблем, именуемых глобальными. Это проблемы естественно-природного и социального характера. Их возникновение стало результатом противоречий общественного развития и хозяйственной деятельности целых поколений людей, усердно трудящихся над приближением глобальной катастрофы. Сложившаяся ситуация свидетельствует, что человеческая цивилизация, при всей ее технической развитости, представляет собой достаточно хрупкое образование, вполне способное вернуть человечество к его первобытному состоянию либо уничтожить вовсе.

Понятие цивилизации мы обычно ассоциируем с материально-предметной стороной общественного бытия. Однако существует и другая, не менее фундаментальная его составляющая – пространство духовности, которое представлено таким феноменом как культура [1, с. 59]. В философии существует точка зрения, утверждающая, что цивилизация и культура соотносятся между собой как тело с духом: «Цивилизация – материальное развитие, общественная организация – телесная оболочка социума, тогда как культура – духовная жизнь, душа его» [2, с. 20]. Так вот содержание глобальных проблем современности свидетельствует, что реальностью является не только болезнь тела общества, но и глубокое нездоровье его души, которое в философии обозначено понятием «кризиса культуры».

Кризис культуры как проявление болезни души современного общества представлен такой глобальной проблемой как антропологическая катастрофа, сутью которой является уничтожение «человеческого» начала в человеке. Известный отечественный философ Мираб Мамардашвили отмечал, что антропологи-

ческая катастрофа – это «перерождение каким-то последовательным рядом превращений человеческого сознания в сторону антимира теней или образов, которые, в свою очередь, тени не отбрасывают, перерождение в некоторое зазеркалье, составленное из имитаций жизни» [3, с. 104].

Антропологическая катастрофа содержит в себе множество вызовов человечеству, разрушающих стабильность существующего миропорядка. Одним из таких вызовов является активно раскручивающаяся в настоящее время в США и странах Западной Европы гендерная революция, масштабы и скорость распространения которой заставляют серьезно задуматься о будущем человечества.

В основе этого античеловечного движения лежит гендерная теория, предтечей которой явилась, на первый взгляд, вовсе безобидная и прогрессивная в определенных границах, идеология феминизма. На рубеже XIX–XX вв. феминизм возник как новый взгляд на социальный опыт человечества. Его идеи о равенстве в правах мужчин и женщин, провозгласили наступление эры всеохватывающего возрастания роли женщины в социуме. Борьба за права женщин имела множество позитивных последствий для гармоничного развития общественной жизни.

Однако в конце XX в. феминистические идеи перестают довольствоваться утверждением политического и социального равенства полов и начинают распространяться на проблему биологической природы женщины. Постфеминизм объявил, что человек женщиной не рождается, а становится ею, и что различия между женщиной и мужчиной не имеют биологического происхождения.

Философским основанием гендерной идеологии, поставившей под сомнение существование женского и мужского начал, стал релятивизм. Такая его разновидность как релятивизм моральный и вовсе отрицает правило абсолютной обязательности морали, что с неотвратимостью приводит к размыванию нравственных ориентиров, стиранию различий даже между такими понятиями как «добро» и «зло», делая их относительными. Тем самым обосновывается субъективный характер морали, полностью сведенной до уровня свободы личного выбора человека [4].

Сегодня Запад превратился в особого рода территорию той самой «зазеркальной» свободы, где нравственные ориентиры, приоритеты и нормы поведения сменяются «ценностями» неограниченной свободы нравов и самовыражения, свободы любого рода удовольствий и развлечений, абсолютной свободы выбора человеком своей сексуальной ориентации и половой идентичности. Именно такая свобода стала главным ценностным ориентиром, определяющим социальную и культурную жизнь современной Западной Европы и США. И далеко не всеми еще осознано, что эти новые «ценности» есть ни что иное, как уродливые результаты глобальной гендерной революции, которая во многом и положила начало антропологической катастрофе. Мало кто задумывается над тем, что господство такой морали с неизбежностью ведет человечество не только к духовному вымиранию, но и к исчезновению физическому.

Гендерная идеология лишила привычного смысла понятие «пол», которое, во-первых, определяет мужчин и женщин как два разряда живых существ, различающихся генетически и физиологически, а во-вторых, соотносит их с определенными культурно и социально обусловленными ролями. Теперь оно заменено понятием «гендер», представляющим собой психологические, социальные и культурные характеристики человека и никак не связанным с его биологическими признаками. Понятие пола объявлено набором устаревших стереотипов, от которого следует отказаться и обратиться в сторону свободного выбора человеком своей «гендерной идентичности».

Эта концепция стала составной частью современной западной либеральной идеологии. Либеральный Запад подменил идею социального равенства людей гендерным равенством, что как нельзя кстати вписалось в раскручиваемое им не один десяток лет магистральное направление его политики – глобализацию. Внедрение и распространение гендерной идеологии в западном обществе стало одним из важнейших направлений политики либеральных правительств большинства стран западного мира. Руководство США и Евросоюза, правительства большинства европейских стран разработали и запусти в практику внушительную систему методов, стратегий, тактик, законодательных инструмен-

тов, политической и воспитательной обработки, академических теорий, получившую название «гендерного мейнстриминга». Европейская комиссия определяет это понятие как «эффективную стратегию, целью которой является достижение гендерного равенства».

Смысл теории гендерного равенства сводится к отрицанию врожденных естественных различий между мужчинами и женщинами. Утверждается, что людей следует различать не по биологическому полу, а по тому, какой они выбирают для себя сами, т.е., люди должны иметь свободу выбора гендерной принадлежности. Из этого следует, что любая сексуальная ориентация является нормальной. Любая попытка противостоять этому «выбору», со стороны кого бы то ни было, считается дискриминацией и подлежит юридическому преследованию.

Гендерная революция благодаря поддержке либеральных властей получила на Западе широчайшие возможности для своего распространения. Небывалыми правами теперь обладают разнообразные ЛГБТ-сообщества. Устраиваемые ими массовые вакханалии своих представителей на улицах и площадях европейских городов – это лишь малая толика в пропаганде ими своего образа жизни и ценностей. Объектами их влияния стали все слои населения, даже дети, которые целенаправленно и методично подвергаются психологической обработке через систему воспитания и образования. С этой целью создаются специальные нейтральные детские сады, где вполне естественное деление на мальчиков и девочек запрещено и заменено отношением к ним, как к бесполом. Им также предоставлено право выбора своего гендера. До этого момента их воспитывают в атмосфере нейтральности.

Здесь действует ювенальная система юстиции, подрывающая у детей чувство уважения к родителям и лишаящая смысла институт семьи и заменяющая принцип «почитай отца своего и мать свою» правом на вседозволенность. Поэтому и семья, как надежный бастион защиты основных морально-нравственных ценностей, также находится под прицелом гендерного мейнстриминга, который стремится ее уничтожить. Другой целью внедрения гендерной идеологии является снижение рождаемости в об-

шестве. В качестве методов здесь используется политика легализации однополых браков и поощрения аборт.

Опасность гендерной идеологии заключается в том, что, выступая против здравого смысла, против очевидного, она разрушает социальное здоровье общества. Отвергая идеалы женственности, обесценивая значение материнства, она выступает против женщины. Утверждая образ женоподобного мужчины, она уничтожает его роль и авторитет в обществе. Она пытается отменить институт брака, как союз мужчины и женщины и институт семьи, как основы социального бытия, формирования нравственно здоровой личности и передачи культурных и религиозных традиций. Ниспровергая идеал научной истины, она подчиняет науку своим абсурдным убеждениям. Она подавляет свободу слова, запрещая не соответствующие ее идеям мнения. Используя государственную власть, она уничтожает демократию.

Итак, современный Запад – это есть территория псевдосвободы, где под афишей идеалов свободы и равенства, прав человека на свободу самовыражения кроется тоталитарная идеология обмана, нацеленная на разрушение нравственных ценностей и устоев, определяющих человеческое существование.

Но человек потому и является человеком, что обладает способностью даже за временной пеленой заблуждений отличать зерна от плевел. Постепенно люди все равно придут к осознанию того, что успех в решении глобальных проблем, и прежде всего проблемы антропологической катастрофы, возможен лишь при условии сохранения общечеловеческих ценностей, на которых веками строились нравственные устои социума.

Список литературы

1. Аралова Е. В. Философия глобальных категорий: цивилизация, культура, духовность // Власть. – 2012. – № 6. – С. 58-61.
2. Ильин В. В., Ахиезер А. С. Российская цивилизация: содержание, границы, возможности. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000. – 301 с.
3. Мамардашвили М. К. Сознание и цивилизация. – СПб.: Азбука, 2011. – 288 с.
4. Мартин-Иогансон Э. Духовное вымирание в Европе. Идеология гендерного равенства // Свободная мысль. – 2019. – № 6 (1678). – С.35-48.

УДК 159.922.736.4

Ольга Ивановна Шмырева,

канд. психол. наук, доцент

Воронежский государственный университет инженерных технологий,

Воронеж, Россия

oishmyreva@rambler.ru

ЭМОЦИИ И ТОЧНОСТЬ ПРОГНОЗА

Аннотация. *В статье показано протекание оценивания и прогнозирования в ходе обработки информации. Рассматриваются эмоциональное сопровождение оценки и прогноза, роль эмоций в точности прогноза. Влияние эмоций на прогнозирование неоднозначно, зависит от избирательности и специфического воздействия стимула на психику, от способа когнитивной обработки, развития и особенностей личности, адаптационных ресурсов. Эмоции в ходе построения прогноза могут фиксировать в сознании интуитивно найденный вариант, а также приводить к ошибкам в интерпретации. Отсутствие прогноза после завершения оценки указывает на многовариантность выбора и последующего развития событий, несоответствие картины будущего вкусам и предпочтениям личности.*

Ключевые слова: *эмоции, оценивание, прогноз, развитие личности.*

Olga Ivanovna Shmyreva,

Candidate of Psychology, Associate Professor

Voronezh State University of Engineering Technologies, Voronezh, Russia

oishmyreva@rambler.ru

EMOTIONS AND FORECAST ACCURACY

Summary. *The article shows the course of evaluation and forecasting in the course of information processing. The emotional accompaniment of assessment and forecast, the role of emotions in the accuracy of the forecast are considered. The influence of emotions on forecasting is ambiguous, it depends on the selectivity and specific impact of the stimulus on the psyche, on the method of cognitive processing, development and personality traits, and adaptive resources. Emotions in the course of making a forecast can fix the intuitively found option in the mind, as well as lead to errors in interpretation. The absence of a prognosis after the completion of the assessment indicates the multivariate choice and subsequent development of events, the discrepancy between the picture of the future and the tastes and preferences of the individual.*

Keywords: *emotions, evaluation, prognosis, personality development.*

Прогностические способности имеют в основе эмоциональную составляющую: на них влияют эмоциональная окраска событий, эмоции окружающих, эмоциональная память и свойства личности. В эмоциональном опыте личности важную роль играют эмоции успеха-неуспеха, построение прогноза осуществляется как линейно, так и поэтапно, по мере поступления информационных потоков [1; 3]. Эмоции могут провоцировать фиксацию сознания на отдельных аспектах прогноза либо вариантах.

Длительный период времени, затрачиваемый на обработку информации, приводит к утомлению и, как следствие, снижению точности прогноза. Уменьшение объема информации либо времени анализа может упростить задачу [2]. Дефицит времени, особенно, в экстремальной ситуации, приводит к некоторому упрощению образа – использованию схематизации как операции воображения. Приблизительный ориентир, характеристика объекта определяются с помощью бессознательных структур психики, способных к мгновенному измерению и реагированию. Синтетический способ познания краток во времени, экономичен в ресурсных затратах, в ряде случаев оптимален. Происходит замирание либо скольжение взгляда, целостный охват объекта познания, с выделением фигуры и фона. Синтетическое мышление целостно, не требует сложнейших вычислений, при этом позволяет построить довольно точный прогноз. Аналитический способ познания, напротив, последовательный, поэтапный, затратный во времени. Операции анализа и синтеза чередуются в ходе размышлений, замедляя и ускоряя процесс.

Поиск и определение вариантов, остановка в случае нахождения противоречия, углубление в содержательные характеристики объекта и принятие решения – этапы построения прогноза. Важную роль в обработке информации играют текущие эмоции [2], каждая из которых характеризует удовлетворительное или неудовлетворительное протекание и итоги мыслительных операций. Для определения более высокой ценности одной из альтернатив сознание ищет подсказки, которые могут извлекаться из долговременной памяти, в том числе из того хранилища, сознательный доступ к которому закрыт. При наличии нескольких подсказок сознание перебирает их, определяя обладающую более

высокой ценностью. Поиск прекращается после нахождения критической подсказки, сопровождаемой наиболее яркой эмоцией. Прогноз может считаться завершенным при выборе альтернативы, которой благоприятствует данная подсказка.

Эвристические переживания в случае нахождения варианта развития событий усиливают и даже делают непоколебимой уверенность в точности завершеного полусознательного расчета. Поиск подсказок и признаков нередко алогичен, человек не думает об абстрактных значимостях подсказок, а просто ими доверчиво руководствуется, обращая первоочередное внимание на доступность сенсорных стимулов. Доверие ресурсам собственной психики может быть ограниченным для лиц с некоторыми особенностями характера, например, чертами неустойчивости, нерешительности, боязливости [4; 6]. Валидными признаками, согласно которым осуществляется оценка объекта, могут быть интенсивность сенсорного сигнала, неожиданность действующего раздражителя, форма, размер, движение, эстетика, специфическое воздействие на нервную систему и пр. Размышлять об абстрактных характеристиках человек начинает при избытке времени и предрасположенности личности. Конкретизация как мыслительная операция более вероятна при построении прогноза. Она же помогает прервать затянувшийся процесс, особенно при появлении признаков утомления.

Остановка может сопровождаться удивлением, спокойствием, страхом, ожиданием и другими непохожими друг на друга по смысловой нагрузке эмоциями. Ее роль состоит в отделении этапа поиска варианта развития и перехода к решению. Остановка, по сути, является подсказкой сознанию о прерывании поиска, который может стать бессмысленным. Интуитивное понимание правильности и своевременности остановки позволяет остановить и зафиксировать мысль. Не всегда удается верно разграничить ценности, более высокая ценность побуждает тратить ресурсы в поиске дополнительной выгоды для личности. Поэтому от уровня развития личности в целом зависят и прогностические способности.

Ситуация неопределенности создает переход к творческому стихийному прогнозированию [3]. При недостатке альтернатив-

ных вариантов развития событий, во избежание неточности прогноза, следует воздержаться от действий до возобновления информационного потока.

Привычные эмоции – те, которые обычно сопровождают познание – могут сыграть злую роль в оценке объекта по инерции [7]. Еще один вариант неверного оценивания связан с вероятностным избеганием эмоций или ошибочным толкованием. Интерпретация зависит от уровня развития личности в целом, и не только лишь от ее интеллектуального ресурса [8].

Память является одним из значимых ресурсов, первым в оценке события или явления. Узнавание как первичная форма воспроизведения наводит на мысль о верности в оценке, сопровождается, как правило, удовлетворением. Подсказка памяти имеет свойство интерпретироваться как нахождение информации, обладающей более высокой ценностью по искомому критерию. При узнавании двух и более альтернатив решающим в оценке становится критерий скорости обработки данных. Далее, при недостатке информации для окончательного оценивания и построения прогноза, может включиться подсчет относительно равноценных критериев, например, положительных и отрицательных признаков объекта. Если ценность критериев приблизительно одинакова или критериев отбора не очень много, подсчет оправдан. Если выбор избыточен, то возможна пауза в обработке, переключение на другой объект либо вид деятельности. Возврат к прерванному занятию происходит после отдыха. Остановка взгляда на объекте или мысли о нем нередко свидетельствуют о нахождении его значения на подсознательном уровне. Для решения задачи необходимо продолжать наблюдение с фиксацией взора на нем, приблизительно так, как поддерживают во время охоты животные постоянный оптический угол между собой и добычей.

Выбор способа оценивания осуществляется в зависимости от возникающих задач, динамики условий и адаптационных механизмов личности, во многом регулирующихся бессознательными процессами [2]. Память может ограничить подбор критериев и создать специфические условия для вариантов развития прогноза, а также вероятна подсказка памяти в виде возникновения

эмоций успеха-неуспеха, которые направляют или ограничивают в поиске решения.

Особенности личности влияют на протекание когнитивной деятельности. Логический тип личности предпочитает проверенные временем способы обработки информации и склонен действовать по инерции. Интуитивный тип личности более предрасположен к стихийному выбору, опоре на события и наблюдению за объектом, без подсчета веса тех или иных оценочных признаков. Нравственные качества личности могут ограничить количество признаков оценивания в силу их приемлемости либо неприемлемости для человека [5]. В итоге психика использует тот или иной способ обработки информации, осуществляется вероятностный прогноз и делается вывод.

Отсутствие прогноза указывает на многовариантность и несоответствие вкусам и предпочтениям личности. Чувство меры позволяет избежать избыточных усилий по прогнозированию и выбору лучшего варианта. Оптимальным становится срединный оценочный признак, при опоре на который система личностных ресурсов останется в относительно сохранном, неизрасходованном состоянии. Сопроводительной эмоцией в данном случае будет спокойствие либо переживание облегчения.

Также следует отметить, что наличие прогноза запускает подготовку к вероятностным событиям, и уже включает попытки коррекции, с целью улучшения будущего или снижения потерь личности. Сопутствующими эмоциями в подобных случаях будут надежда и тревога, соответственно [4].

Таким образом, опыт эмоций в познании и построении прогноза может способствовать фиксации интуитивно найденного варианта, а также – ошибке в интерпретации. Отсутствие прогноза при завершении оценивания указывает как на многовариантность, так и на несоответствие картины мира вкусам и предпочтениям личности. Влияние эмоций на прогнозирование неоднозначно и зависит от уровня развития и особенностей личности, ее эмоционального опыта, адаптационных ресурсов, аналитико-синтетической деятельности, избирательности и специфического воздействия стимула на психику.

Список литературы

1. Александров Ю. И. От эмоций к сознанию / Психология творчества: школа Я. А. Пономарева. – Москва, 2006. – С. 304-322.
2. Бодалев А. А. О человеке в экстремальной ситуации (эмоциональная и интеллектуальная составляющая отношения в выборе поведения) // Мир психологии. – 2002. – № 4 (32). – С. 127-134.
3. Шмырева О. И. Варианты эмоционального прогноза // Международный научно-исследовательский журнал. – 2023. – № 6 (132). – URL: <https://research-journal.org/archive/6-132-2023-june/10.23670/IRJ.2023.132.132> (дата обращения: 16.06.2023).
4. Шмырева О. И. Надежда и тревога: варианты прогноза // Современные проблемы гуманитарных и общественных наук. – Воронеж: ИПЦ Научная книга, 2022. – № 2 (39) (Серия «Социально-политическое развитие российского общества»). – С. 100-104.
5. Шмырева О. И. Роль эмоций в развитии совести // Современные проблемы гуманитарных и общественных наук. – Воронеж: ИПЦ Научная книга, 2022. – № 4 (41) (Серия «Патриотическое воспитание студентов в техническом вузе»). – С. 123-127.
6. Danielsson M., Bengtsson H. Global self-esteem and the processing of positive information about the self // *Personality and Individual Differences*. – 2016. – 99. – P. 325-330.
7. Ford B. Q., Tamir M. Preferring familiar emotions: As you want (and like) it? // *Cognition and emotion*. – 2014. – Vol. 28. Issue 2. – P. 311-324.
8. Shmyreva O. I. The phenomenon of assessment as a function of the cognition process // Международный научно-исследовательский журнал. – Екатеринбург, 2023. – № 6 (132).

Научное издание

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ГУМАНИТАРНЫХ
И ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

Серия
«Духовная жизнь общества и человека:
история и современность»

Выпуск 3 (45)

При оформлении обложки использован фрагмент фрески работы Рафаэля
в станце дела Сеньятура Ватиканского дворца (1511 г.)

Подписано в печать 20.06.2023. Формат 60×84/16.
Усл. печ. л. 6,25. Тираж 100 экз. Заказ

ООО Издательско-полиграфический центр «Научная книга»
394018, г. Воронеж, ул. Никитинская, 38, оф. 308
Тел.: +7 (473) 200-81-02, 200-81-04
<http://www.n-kniga.ru>. E-mail: zakaz@n-kniga.ru

Отпечатано в типографии ООО ИПЦ «Научная книга»
394026, г. Воронеж, Московский пр-т, 11/5
Тел.: +7 (473) 220-57-15
<http://www.n-kniga.ru>. E-mail: typ@n-kniga.ru